

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**САМАРКАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

На правах рукописи

УДК 42

ББК 81.2-7 (Инг)

Ф12

Атаева Мохигуль

**СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА КАК ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА И РЕЧИ (НА
МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Специальность: 5A120102 - Лингвистика (английский, немецкий,
французский языки)

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Магистерская диссертация
обсуждена на заседании
кафедры теории языка и литературоведения
Протокол №__ «_» 2020 года
Заведующий кафедрой:

Д.ф.н., проф. Х.З.Хайруллаев

Научный руководитель:
д.ф.н., проф. Т.А. Бушуй

Самарканд – 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	9
1.1. Место лингвистики текста в языке.....	9
1.2. Типология текстов.....	16
1.3. Особенности построения текста	25
Выводы по 1-ой главе	28
ГЛАВА 2. КОММУНИКАТИВНО-НОМИНАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОПРЕДЕЛЁННЫХ ВИДОВ ТЕКСТА	30
2.1. Анализ номинативного свойства загадки как особой разновидности текста	30
2.2. Сказка, как особый вид текста.....	46
Выводы по 2-ой главе	53
ГЛАВА 3. ИССЛЕДОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО- ПРАГМАТИЧЕСКОГО АСПЕКТА ТЕКСТА	54
3.1. Коммуникативно-прагматическая сторона диалогического текста	54
3.2. Основные характеристики косвенных высказываний в диалогическом единстве.....	61
3.3. Соотношение устно-разговорного и письменно-разговорного текста.....	70
Выводы по 3-ей главе	73
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	76
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	82

ВВЕДЕНИЕ

Как справедливо отмечает Ш.М. Мирзиёев: “Узбекистан должен быть конкурентноспособным в мире в области науки, интеллектуального потенциала, современных кадров, высоких технологий”, должен способствовать теоретическому и практическому развитию исследований в области лингвистики [Обращение Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева к Олий Мажлису Узбекистан от 22 декабря 2017 года // Народное слово, 23 декабря 2017 года. № 258 (6952)].

Актуальность работы определяется необходимостью разработки малоисследованных проблем теории номинации, особенно того ее раздела, который касается номинативных потенций текстового образования. Поскольку текст неотделим от коммуникативной ситуации, звеном которой он является, то особенно актуальным представляется рассмотрение свойств текста, в частности, его номинативных характеристик, в зависимости от параметров коммуникативной ситуации. Так, трактовка номинативного свойства загадки как имеющего статус текстовой категории в данном виде текста позволяет решать такие насущные проблемы лингвистики текста как онтологические свойства связного текста, его системность, типология текстов.

Актуальность проведенного исследования обусловлена также важностью изучения и систематизаций языковых явлений в условиях непосредственной коммуникации. Эта задача выдвигает на первый план необходимость рассмотрения сказки, как одной из разновидностей текста.

Также имеет большие перспективы исследование функционально-прагматического аспекта текста. Прежде всего, интерес представляет коммуникативно-прагматическая сторона диалогического текста. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования в данной области языкознания.

Степень изученности проблемы. Лингвистика текста как научная дисциплина в 60-е годы XX века в основном рассматривала приемы связи в

тексте. Кроме этого данное лингвистическое направление разрабатывало проблему распределения темы и ремы высказывания.

Однако работы по проблеме связности текста с формальной точки зрения способствовали отсутствию обобщений в теории и невозможности выявления содержательных категорий. В 70-е годы стала разрабатываться грамматика текста, анализироваться структура текста. Выделяются два направления, которые объединяются общими законами связности текста и его целостности.

Большой вклад в разработку лингвистики текста внесли такие ученые, как: американцы З. Харрис и С. Тулмин, голландский лингвист Т. ван Дейк, французский исследователь А. Греймас, российские лингвисты Т.М. Николаева, З.Я. Тураева, И.Р. Гальперин, О.И. Москальская, В.Г. Адмони, Л.Р. Зиндер и др. Многие работы посвящены смысловой, коммуникативной, структурной целостности текста, функциональной характеристике, были разработаны классификации текстовых функций.

Научная новизна работы заключается в том, что текст загадки впервые рассматривается в номинативном аспекте. До сих пор исследования проблем номинации не распространялись на уровень текста, ограничиваясь анализом слова и предложения. Представляется принципиально новым выделение и анализ категории текстовой номинации как доминирующей категории в анализируемом виде текста. Новым является развиваемое в работе понятие многослойного текстового уровня (уровня текста). Новой является предлагаемая в работе методика выявления номинативных характеристик текста загадки через сопоставление механизма обозначения одного и того же объекта отдельным словом и текстом загадки.

В данной диссертации анализируется сцепление, как прием, помогающий в целостности воспринять структурную часть такого вида текста, как сказка. При этом мы опираемся на авторитетные работы лингвистов в области структурно-типологического исследования сказки с применением стилистического декодирования.

Подчеркивается необходимость различать речевые интенции, как результат ситуативного контекста, и языковые интенции, т.е. следует разграничивать интенциональный смысл и интенциональную семантику высказывания. Рассмотрены основные характеристики косвенных высказываний в диалогическом единстве.

Цель работы состоит в рассмотрении особенностей различных видов текста, опираясь на современные лингвистические тенденции интерпретации текста как единицы языка и речи. Так, природа загадки, представляющей особый вид текста, раскрывается с функциональной точки зрения, а также особенности ее реализации в своеобразном контексте загадки. Следует учитывать тот факт, что загадка имеет характерный ей бинарный лингвистический статус: 1) номинативные характеристики загадки-знака и 2) номинативные признаки загадки-текста.

Цель исследования также включает наблюдение сцепления семантически эквивалентных элементов в таком виде текста, как сказка, с рассмотрением новых коннотаций составляющих ее слов, а также выявление основных характеристик косвенных высказываний в диалогическом единстве, как своеобразном типе текста.

В соответствии с поставленной целью определяются конкретные **задачи исследования:**

- рассмотреть основные параметры коммуникативной ситуации, звеном которой является текст загадки;
- определить функциональную природу загадки;
- исходя из функциональной определенности загадки, рассмотреть процесс номинации в загадке посредством изучения характера признаков обозначаемого объекта, которые берутся в качестве различительных и кладутся в основу наименования, и формы их отражения в тексте загадки;
- описать механизм формирования категории текстовой номинации как онтологического свойства текста загадки;

– проанализировать сказку, как вид текста, с особым вниманием к сцеплению, являющемуся одним из ведущих приемов обеспечивающих целостность текста;

– выявить основные характеристики косвенных высказываний, проанализировав диалогические единства, содержащие косвенные высказывания в качестве стимулирующей реплики.

Объект исследования. Виды текста как единицы языка и речи.

Предмет исследования. Номинативные потенции текстового образования.

Материал исследования: тексты [93-101] и словари [91-92] английского языка с опорой на веб-сайты: [102-108], где наличествуют основные произведения, таких писателей, как: W.S. Maugham, W. Saroyan и др.

Методологической основой настоящего магистерского исследования послужили Указы Президента РУз, Положения о Государственном языке РУз и языковой политике в РУз, труды в области общего и английского языкознания, лексикологии, фразеологии, лингвистики, стилистики, коннотации и текстопорождения [Ванников Ю.В., Beaugrande R. и др.].

При исследовании языкового материала был применен ряд **методов:** дефиниционный анализ, метод лингвистического эксперимента, стилистико-текстовый анализ, метод компонентного анализа. При проведении исследования использовались также следующие методы: статистический метод с последующим обобщением полученных результатов, описательно-аналитический метод.

Круг рассмотренных проблем и полученные результаты определяют теоретическое и практическое значение работы.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что ее основные результаты вносят новый вклад в разработку проблем теории номинации и теории текста. Представляется важным в теоретическом плане вывод о

гносеологическом изоморфизме процесса номинации через слово, предложение, текст. Теоретически значимым является рассмотрение номинации текстом загадки и сказки с точки зрения характера ее денотата, референта, сигнификата, а также описание механизма сокрытия предмета текстом загадки. Развиваемое в работе понятие о многослойном характере текстового уровня доказывает общетеоретическое положение о системности текста и об его изоморфическом строении. Принципиально значимым представляется вывод о категориальной определенности номинации в тексте загадки – категории текстовой номинации – и анализ механизма ее формирования на всех уровнях текста. Анализ прозаического произведения, такого как сказка, методом сцепления позволяет увидеть текст в тесной взаимосвязи его формы и содержания, что очень важно для восприятия текста как целостной структуры.

Практическая ценность работы состоит в том, что полученные выводы относительно коммуникативного статуса загадки (тип адресанта, адресата, коммуникативной ситуации, их взаимообусловленный характер) могут быть использованы в лекционных курсах по теме «Коммуникативная лингвистика» курса общего языкознания. Выводы относительно прагматических характеристик загадки (выделение прагматических установок адресанта и собственно текста загадки, непосредственной и опосредованной прагматических установок адресанта) могут найти применение в других исследованиях, касающихся коммуникативно-прагматических аспектов текста, а также в лекционных курсах по стилистике в разделе «Прагматика текста». Выводы, касающиеся прагматической детерминированности процесса номинации в тексте загадки, механизма сокрытия обозначаемого предмета текстом загадки могут быть использованы в изучении лингвистических основ теории и практики пропаганды, механизмов сокрытия смысла, а также в лексикографической практике при составлении наиболее адекватной и оптимальной для идентификации слова дефиниции. Выводы работы относительно семантической структуры загадки

(характер референта, денотата, сигнификата) могут найти применение при написании учебных пособий по теме «Семасиология» в курсе лексикологии, Выводы, касающиеся механизма формирования категории текстовой номинации могут быть использованы в лекционных курсах по стилистике в разделе "Лингвистика текста", а также на практических занятиях по анализу текста. Иллюстративный языковой материал может найти применение на лекционных и семинарских занятиях по лексикологии, стилистике английского языка.

Практическое значение работы определяется также тем, что её результаты и выводы могут быть использованы в теоретических курсах по и стилистике английского языка, а также на семинарских занятиях по этим дисциплинам, в практике преподавания английского языка, в языковом вузе, в работе по овладению навыками композиционного построения письменной речи, при проведении спецкурса «Лингвистика текста».

Материалом исследования послужили различные типы текстов: 1) тексты английских народных загадок; 2) тексты сказок; 3) диалогические тексты из художественных произведений.

Структура работы определена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, списка использованной литературы.

Апробация результатов исследования. Результаты данного исследования обсуждались на научно-практических конференциях.

Опубликованность результатов исследования. По теме магистерской диссертации опубликованы две научные работы.

ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

1.1. Место лингвистики текста в языке

На современном этапе не ослабевает интерес к такому важному направлению в языке как лингвистика текста, которая зародилась в 60-70 гг. XX в. Причины, повлекшие появление этой дисциплины, имели как внутренний (лингвистический) характер, так и внешний (экстралингвистический), например, воздействие литературоведения, социологии, теории перевода, социальной психологии и др. [И.А. Герман, 2000, 59-60; О.А. Крылова, Е.Н. Ремчукова, 2001, 57-64; Т.Н. Мальчевская, 2007, 104-116; Т.М. Николаева, 1978, 5-39; Fr. Danes, 1974, 106-128; W.U Dressler, 2008, 1-5].

В 1948 г. появляется работа русского филолога И.А. Фигуровского «От синтаксиса отдельного предложения к синтаксису целого текста», положившая начало новому направлению [И.А. Фигуровский, 1974, 108-115]. Работа американского лингвиста Зелига. Харриса «Анализ дискурса» (1952) ломает границы грамматики предложения и выходит на уровень текста.

Большой вклад в разработку проблемы места лингвистики текста среди других научных дисциплин внес голландский ученый Тойн ван Дейк [Dijk T.A. van, 1975, 33-68], который понимал ее как междисциплинарную науку, связанную с историей (влияние социальных, политических и культурных сторон на появление текста); теологией (религиозные тексты); юриспруденцией (интерпретация юридических текстов); психологией (влияние текста на позицию личности или целой группы); литературоведением (анализ художественных текстов) [Дейк Т.А. ван, В. Кинч, 1988, 153-207]. Т. ван Дейк в языкознании при анализе текста рассматривает 3 направления: семантическое; синтаксическое; прагматическое.

В современной языковедческой науке существует различные дефиниции лингвистики текста. Так, «Лингвистический энциклопедический словарь» дает следующее определение: «направление лингвистических исследований, объектом которых являются правила построения связного текста и его смысловые категории, выражаемые по этим правилам» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, 267].

Интенсивность исследований в этой области в настоящее время создает необходимость в рассмотрении вопроса о месте и интерпретации текста в языке и в речи. Наиболее важными составными частями проблемы являются следующие:

1. Рассмотрение методов, применяемых в лингвистике текста, с точки зрения их соотношения с основными принципами лингвистического анализа;
2. Место и роль лингвистики текста в системе языка, т.е. те последствия, которые имеет развитие этой единицы для описания других языковых единиц (предложения, словосочетания, слова).

Так, многие работы, как отмечает большинство исследователей, занимающихся в этой области, посвящены методу, связанному с определением связи между предложениями через такие приемы когезии, как повтор – рекурренция (полная или частичная), а также субституция в составе данных предложений отдельных элементов. [А.А. Акишина, 2009, 56-61; Ю.В. Ванников, 1984, 15-26; Т.С. Кудрявцева, 2004, 71-78; К. Кожевникова, 1979, 49-67; Б.А. Маслов, 2009, 71-75; D.U. Ashurova, M.R. Galieva, 2013, 56-59;].

Известно, что составляющие компоненты текста соединяются с помощью грамматических форм, а также грамматических отношений. Это отношение между местоимением и его антецедентом, т. е. предыдущим членом. Когезийным приемом может быть и эллипсис, т. е. пропуск элемента высказывания, который можно легко восстановить в тексте. Когезивными средствами являются порядок слов, временные формы глагола, сочинительные средства связи. Такой подход является основополагающим в

теории Р.А.Богранда и В. Дресслера. В своей работе «Introduction to Text-Linguistics» выделяют семь параметров, связанных с текстуальностью, под которой понимается совокупность признаков, свойственных тексту: когезия; когерентность (сцепление, связь, охватывающая когнитивные содержательные взаимосвязи в тексте); интенциональность (стремление создателя текста образовать связный текст); воспринимаемость (связана с ожиданием получения связного текста и уместностью применения используемых средств языка); информативность; ситуативность (текст отражает ситуацию, в которой он создается и применяется); интертекстуальность (соотнесение текста с другими текстами) [R.-A. Beaugrande., W.U. Dressler, 1981, 3; R.- A. Beaugrande, 2008, 43-46; H. Rieser, 2008, 276-299].

Интерес представляет концепция О.И. Москальской, изложенная в обзорной статье «Текст как лингвистическое понятие» и работе «Грамматика текста», где текст рассматривается с позиций смысловой, коммуникативной и структурной целостности.

О.И. Москальская считает, что микротекст представлен сверхфразовым единством, тогда как макротекст представляет собой целое речевое произведение. Причем обоим свойственна целостность. Последняя может быть смысловой (проявляющаяся в единстве темы, которая является смысловым ядром текста); коммуникативной, когда предшествующее предложение служит опорой для последующего; структурной, т. е. имеющую элементы структурной связи между составляющими текст предложениями, такими, как местоимения, наречия, артикль, временная глагольная система, анафора и катафора [О.И. Москальская, 1981, 23].

Итак, главнейшими показателями текста является его цельность (внутренняя законченность текста, т.е. его смысловое единство) и связность (проявляющаяся в сцеплении составляющих текст компонентов). В зарубежном языкознании цельность и связность заменяют термином когерентность текста. Причем выделяют грамматическую когерентность

(проявляющуюся на грамматическом уровне между предложениями); тематическую когерентность (проявляющуюся между предложениями на тематическом уровне); прагматическая когерентность (между речевыми действиями в процессе применения на практике). В связности также выделяют типы: локальную и глобальную. Первая характерна для соседних предложений, составляющих текст, вторая же характерна для всего текста [Р. Барт, 2012, 422-449].

Первые шаги по лингвистике текста связаны с исследовательской работой в этой области З.Я. Тураевой. В своей работе «Лингвистика текста» она называет задачи, которые решаются на современном этапе. Текст рассматривается ею как единица, отличная от обычной последовательности предложений, т.е., как единица высшего ранга. Для него характерна коммуникативная целостность, смысловая завершенность, а также семантическая, грамматическая и логическая связь. Исследователь выделяет как один из основных вопросов типологию текстов, основанную на коммуникативных, структурных, а также семантических особенностях. З.Я. Тураева проводит анализ единиц, которые составляют текст и отличаются по своим характерным особенностям от предложения; выявляет категории, свойственные тексту; рассматривает межфразовые связи и отношения в тексте [З.Я. Тураева, 1986, 7-11].

Выделяются различные подходы к описанию текста. Так, видный немецкий ученый В. Хайнеман рассматривает синтаксический подход, как наиболее распространенный подход в описании текста, когда методы, применяемые к грамматике предложения, используются при анализе текста. Иной подход связан с содержательными отношениями в тексте. Третий подход исходит из того, когда текст рассматривается как коммуникативная единица [Филиппов К.А., 2003, 51].

Интересным, на наш взгляд, является подход к анализу текста Е. Косериу, который считает, что есть два вида лингвистики текста:

1) собственно лингвистика текста с текстами автономного уровня вне разграничения языков и 2) тексты, построенные на отдельных языках (грамматика текста) [Филиппов К.А., 2003, 55].

Российский лингвист Т.М. Николаева также выделяет два направления:

1) выявление содержательных компонентов и правильное построение текста. Здесь изучаются такие элементы, как артикли, модально-коммуникативные частицы, притяжательные, а также указательные местоимения и др.; 2) второе направление связано с толкованием скрытого смысла текста [Т.М. Николаева, 1978, 5-39].

Основным является такой подход, который позволяет сохранять связь грамматики с лексикой. Поэтому важнейшим из таких подходов представляется тот, который способствует сохранению тесной связи грамматических значений и категорий с лексической репрезентацией предложений, независимо от того, рассматриваются ли повторяемые слова как таковые или анализируются с точки зрения синтаксических функций [Звегинцев В.А., 1980, 13-21.].

Различные варианты предложений с точки зрения лексики, многообразные перифразы затрудняют отождествление субститутов, т.е. установление совпадения между ними, формулирование правил введения субститутов и правильного выбора некоторых из имеющихся в системе вариантов. Поэтому модель текста на базе такого подхода оказывается способной формулировать свои правила главным образом как возможные, но не как необходимые и достаточные.

Особенно наглядно это проявляется при алгоритмизации построения текста: задаются правила, с помощью которых может быть построен текст, но остаётся неясным: возможен ли связный текст, не базирующийся на сформулированных правилах и если нет, то почему, а также обеспечивают ли данные правила построение только правильных связных текстов [В. Дресслер, 2008, 55-73].

На наш взгляд очевидно методологическое отличие лингвистики текста от фонологии и грамматики. Существенно также указать на типологическое отличие, состоящее в том, что связь между другими единицами языка конституируется обычно не при помощи «поверхностных» элементов (звуков, аффиксов и т.п.), а на базе некоторых категорий, присущих системе различительных признаков фонем, морфофонемных правил, грамматических категорий [А.А Залевская, 2001, 43-47].

Определение связи между предложениями на основании свободы/связанности их грамматического оформления, несмотря на большую трудность формализации, предоставляет исследователю, в конечном счёте, известные преимущества.

Данная техника является более универсальной – она охватывает все случаи субституции, так как субституция всегда означает и связанность грамматической формы и добавляет к этому ряд важных явлений, лежащих за рамками субституции, как связь между предикатами.

Грамматическое оформление предложения отличается значительно меньшей вариабельностью (и притом – определяемой регулярными трансформационными правилами), чем его лексическая репрезентация. В силу этого вместо многообразных вариантов лексической субституции исследователь имеет дело с устойчивыми, постоянно воспроизводимыми явлениями в структуре предложения.

Поскольку речь идёт не о повторении элементов (которое может быть и случайным), а о предсказуемости формы, описание принимает обуславливающий характер. В частности, можно с уверенностью утверждать, что вводимый признак является достаточным, т.е. явление межфразовой грамматической детерминации всегда индицирует связь в тексте. Открытым, однако, остаётся вопрос о том, насколько данный признак является необходимым, поскольку, кроме субституции (полностью включаемой в настоящую модель), существует союзная связь и некоторые другие явления,

отношение которых к описываемой модели в настоящее время остаётся невыясненным.

Представление связей предложения в тексте через устойчивые признаки его структуры делает возможным постановку вопроса о дистрибуции, т. е. распределении предложений в сверхфразовых единствах и, как следствие этого, о выделении классов предложений на основании возможностей их сочетаемости. [Б.А Маслов, 2004, 187-190].

Описание таких дистрибутивных классов и сопоставление его с деривационными классами предложений (типами их внутренней структуры) может стать тем вкладом, который лингвистика текста способна внести, в теорию предложения.

Классификация предложений, произведённая подобным образом, может оказаться полезной при трансформационном анализе. В частности, имеет смысл, очевидно, различать трансформации, не изменяющие дистрибутивный класс предложений (например, пассивную), и такие, которые переводят предложение в другой класс (например, безличную) (ср. аналогичные различия в дериватологии).

Установление факта грамматического "управления" в тексте является существенным для решения вопроса о соотношении глубинной и поверхностной структуры (с точки зрения места детерминируемых категорий), что, как известно, в настоящее время является одним из главных предметов обсуждения в теории генеративных грамматик.

Постановка перечисленных проблем возможна лишь на базе сведения всего многообразия лексических и смысловых связей в тексте к немногим устойчивым и обязательным типам.

Конституирование лингвистики текста на базе этого общего для всякого языкового описаний принципа может иметь для лингвистики в целом последствия, аналогичные тем, какие имело возникновение в своё время таких "новых" дисциплин, как фонология, морфонология» генеративный синтаксис и семантика.

1.2. Типология текстов

Исследования таких единиц языка, как слово и предложение, имеют многовековую традицию. Научный анализ сложного синтаксического целого, сверхфразового единства, абзаца и текста стал проводиться сравнительно недавно. Понятие текста имеет свои сложности. Текст представляет собой связующее звено между языком и деятельностью человека. Поэтому исследование текста проводится в различных ракурсах, а именно: с точки зрения психологии, литературоведения, информатики, математического моделирования, когнитивной науки, семиотики, теории информации, а также языкознания [Б.А. Маслов, 2014, 187-190].

Ведущий специалист в области лингвистики текста проф. И.Р. Гальперин считает, что «текст – это сообщение, объективированное в виде письменного документа, состоящего из ряда высказываний, объединенных разными типами лексической, грамматической и логической связи, имеющий определенный модальный характер, прагматическую установку и соответственно литературно обработанный» [И.Р. Гальперин, 1981, 34].

И. Р. Гальперин уточняет, что «необходимо разграничить понятие текст и контекст». Под контекстом он понимает «отрезок высказывания, выбранный произвольно, в котором наблюдаются, анализируются и конкретизируются особенности языковых фактов, являющихся объектом исследования» [Гальперин И.Р., 1977, 522]. Теория И.Р. Гальперина основывается только на письменную форму текста.

В противоположность И.Р. Гальперину другой российский языковед Л.Р. Зиндер считает, что письменная речь не может полностью передать внутреннюю структуру сообщения, всех особенностей значения, т.к. не располагает всеми необходимыми средствами.

По мнению петербургского ученого для создания текстовой единицы необходимы также фонетические элементы, включающие темп произнесения текста; тембр; интонацию с ее основными функциями членения устной речи, оформления, выделения; ударение, участвующего в выделении некоторых

элементов текста; паузу как средства разделения текста на синтагмы; мелодику, способствующую объединению компонентов высказывания в целостный текст [Л.Р. Зиндер, 1982, 19-22]. Применительно к художественным текстам понятие текста строится на признаках выразительности (фиксированности), отграниченности (противопоставленности) не входящим в его состав знакам, а также структурам с невыделенным признаком границы и структурности (внутренней организованности на синтагматическом уровне) [С.И. Гиндин, 2007, 114-115].

Большинство ученых рассматривает текст как совокупность предложений, связанных с единством коммуникации, где на первый план выступают семантические и синтаксические корреляты, составляющие единство текста, с точки зрения его внутреннего строения.

Многие исследователи считают, что текст – это «осмысленная последовательность словесных знаков, обладающая свойствами связности и цельности, а также свойством невыводимости общего смысла из простой суммы значений составляющих» [Васильева, 1995, 127].

Границы, т. е. объем текста, определяются, как в широком, так и в узком понимании. Так, например, О.И. Москальская считает, что в широком смысле текст – это целое речевое произведение, определяя его, как макротекст. В узком понимании текст представляет собой сложное синтаксическое целое, т. е. микротекст [Москальская О. И., 1981, 23].

Зарубежные исследователи понимают текст, как когерентную (связанную) последовательность предложений, которая характеризуется тематической завершенностью и опирается на грамматические соединительные средства. Текст выполняет также коммуникативную функцию.

Различие речи и текста как процесса речевой деятельности и её результата проявляется в несовпадении их типологий, хотя связь между последними существует.

Ограниченность как один из конституирующих признаков текста предполагает наличие нижней и верхней границы текста. Нижней границей текста является предложение (ср. такие "минимальные" тексты как афоризмы, загадки и т.п.); в этом плане соотношение предложение – текст продолжает тот ряд соотношений единиц смежных уровней, который характерен для структуры языка в целом. Верхняя граница текста задаётся автором текста. Однако при всей неопределенности этой границы наличие её всегда предполагается, так как только благодаря ей текст выделяется как законченное единое целое.

При построении типологии текстов возможны два подхода: "снизу" (от предложения к способам сочетания предложений) и "сверху" (рассмотрение текста как лингвистической данности, проявляющейся в разнообразии реально существующих текстов).

Тип текста - это определенная форма текста, с помощью которой проявляются коммуникативные намерения человека. Каждый тип текста строится согласно языковым нормам и по определенным правилам. Иными словами под типами текстов рассматривают виды текстов, обладающие системой, как лингвистических, так и экстралингвистических характеристик. Ср. такие параметры, как количество участников коммуникации, определяющие монологическую или диалогическую речь; особенности начала текста, середины или конца; языковая экономия или избыточность; виды контакта и др. В результате различных комбинаций подобных признаков, формируются различные типы текстов: дискуссия, письмо, лекция, текст рекламы, разговор по телефону и др. [Aznaurova E.S., Fomenko N.V., Ashurova D.U., Molchanova G.G., Petrova E.G., Pogosyants E.M., Zimon E.I., 1990, 32 -35].

В лингвистической науке выделяются разные концепции типологии текстов. Так, интерес представляет концепция В.Г. Адмони, в которой выделяются

- 1) сакральные тексты;

- 2) утилитарные;
- 3) художественные;
- 4) тексты в звуковой массовой коммуникации.

Рассмотрим названные виды подробнее. Древними видами текстов являются сакральные. Это религиозные тексты, мифологические, связанные с магией. Например, религиозные тексты – это канонические, священные тексты, такие, как Библия, Коран.

Утилитарные тексты – это тексты, служащие для осуществления практических потребностей человека в обществе. Здесь выделяются:

- 1) научные тексты;
- 2) производственные тексты;
- 3) административно-правовые тексты;
- 4) публицистические тексты;
- 5) рекламные;
- 6) художественные;
- 7) тексты в средствах звуковой массовой информации.

В.Г. Адмони выделяет в концепции текста разовые или спонтанные высказывания и воспроизводимые высказывания [Адмони В.Г. 1985, 63-69].

Первые образуются в момент речевой коммуникации. Применяются в основном в устной речи. Причем чаще – это диалогическая речь. Противоположными являются воспроизводимые высказывания. Они повторяются как воспроизведения какого-либо высказывания. В большинстве своем они больше по объему, чем спонтанные.

Таким образом, В.Г. Адмони считает, что текст – это особый тип высказывания, обладающий воспроизводимостью. «Текст – это в высшей степени многообразная, закреплённая в целях своего воспроизведения, исторически и функционально изменчивая единица социальной коммуникативно-когнитивной практики. Текст строится на речевом материале, но как целое в своем построении обладает собственными закономерностями. Поэтому его анализ не может быть проведен чисто

языковедческими средствами, а должен строиться на особой методике, которая, естественно, должна учитывать и закономерности языковой материи, используемой текстами [Адмони, 1994, 13-17]».

Особую роль в разграничении видов текста играет соотнесение типа текста с выполняемой им функцией. Так, Э. Гроссе выделяет 8 типов текстов, согласно данной классификации:

- 1) Нормативный тип;
- 2) Контактный;
- 3) Групповой;
- 4) Поэтический;
- 5) Текст с доминантой самовыражения;
- 6) Текст с доминантой побуждения;
- 7) Переходный класс (тексты с функцией побуждения и передачи информации);
- 8) Текст с доминантой специальной информации.

Например, выявлено, что нормативным текстам свойственна функция, связанная с регламентацией. Это приказы, законы, уставы и др. Контактный вид текстов выполняет фатическую функцию, заключающуюся в установлении контакта. Эта функция осуществляется в дежурных разговорах о погоде, поздравительных открытках и т.д. Тексты с доминантой самовыражения – это автобиография, личные дневники и т.п. Тексты с доминантой побуждения – это текст рекламы, партийные документы. Тексты со специальной информацией выполняют функцию обмена информацией между людьми. Это монографии, учебные пособия, методические рекомендации и др. [Демьяненко М.Я., Лазаренко К.А., 2011. 123-139].

Проблема разграничения устного и письменного видов текста также имеет в лингвистике большой резонанс. Устная речь имеет естественный характер, письменная речь – искусственный. Устная речь часто сопровождается мимикой, жестами, для нее характерна сиюминутность,

спонтанность, письменная соответствует книжной. В письменной речи длина предложений больше, чем в устной [Пьеге-Гро Н., 2008, 42-45 с.].

Особый интерес представляет классификация речевых произведений, разработанная К. Гаузенблаза, т.к. здесь рассматриваются критерии, которые не анализировались другими составителями текстовых типологий. Так, выделяется 1) речевой текст, содержащий единственный смысл (деловые письма, заявления); 2) речевое произведение имеет двойкий смысл (ирония, аллегория); 3) вставленная часть текста в основной текст (цитаты, прямая речь); 4) диалоги; 5) речевое произведение со сложной текстовой структурой (тексты на афишах, шапки или заголовки в газетных статьях); 6) соотношение основного и вспомогательного текста (технические тексты с примечаниями и комментариями); 7) два и более текста могут переплетаться (кроссворды, секретные тексты).

Лингвисты особо выделяют диалог, как вид текста. Диалог членится на реплики его участников, которые, с одной стороны, представляют собой законченный отрезок текста, а с другой стороны, эти реплики являются зависимыми, т.к. это части единого текста. В европейских исследованиях выделяют изучение диалога со стороны структурной организации и анализ тематической и содержательной стороны. На первый план здесь выступает проблема основных уровней: макроуровня (как высшего уровня организации структуры диалога, где выделяется начало диалога, его середина и конец), средний уровень (с выделением разговорного шага – реплики, как основной структурной единицы диалога; смены собеседников), микроуровень (с лексическими, грамматическими и фонетическими структурами).

Исследование коммуникативного аспекта позволяет выделить ряд оппозиций, возникающих при установке на адресанта, адресата, код и сообщение, которые определяют соответствующие языковые функции (эмотивную, коннотативную, метаязыковую, эстетическую).

При установке на адресанта выделяются два типа оппозиций: тексты индивидуальные – коллективные и тексты естественные – искусственные. В

отличие от типологии речи, которая может учитывать в первой оппозиции только воспринимающий конец канала связи [Дридзе Т.М., 2006, 34-45;Иртеньева Н.Ф., 1981, 3-12 Longacre R., Levinson S., 1978, 103-122.], типология текстов должна различать тексты как результаты индивидуального или коллективного творчества. Художественные тексты, как правило, индивидуальны, хотя могут быть и коллективными. Значительно выше удельный вес коллективных текстов как результатов научного творчества. Для деловой речи характерны тексты преимущественно коллективные (законы, постановления, резолюции и т.п.) [Kock W.K. 2003, 113-204].

Вторая оппозиция связана с развитием автоматической переработки речевой информации (спецреферирование и машинный перевод). Различия в авторстве (человек – машина) накладывают отпечаток на некоторые структурные характеристики текста, в частности, на степень его отмеченности (уменьшение эксплицитно выраженной связности, ухудшение стилистических характеристик и т.п. в искусственных текстах).

С установкой на адресата связана оппозиция текстов моно – и полиадресатных. Соответствующие тексты предназначены для одного адресата (письмо, служебные заметки и т.п.) или многих (подавляющее большинство текстов). Эта оппозиция имеет абсолютный характер только с точки зрения адресанта; её относительность проявляется в возможности превращения моноадресатных текстов, в полиадресатные [Ashurova D.U. 2012, 26; Dijk T.A. van. 1977, 23]. На этой основе становится возможным создание квазимоноадресатных текстов, рассчитанных на неограниченное количество адресатов, но сохраняющих формальные черты текстов моноадресатных.

Оппозиция текстов моно – и поликодовых связана с установкой на код. Поликодовые тексты являются результатом включения элементов одного естественного кода в другой (при этом один код является, как правило, основным, фоновым) или сочетания естественного и искусственного кода (напр., искусственного языка отдельных наук). Оппозиция текстов

художественных – нехудожественных возникает при установке на сообщение как таковое. Исключительно важное место, занимаемое художественными текстами в истории культуры, а также богатство их исторически сложившихся форм объясняют широкое использование их при установлении типологии текстов. Оппозиция эта не является, однако, абсолютной и в типологическом плане "снимается" нередко другими оппозициями. Её относительный характер проявляется и в исторических изменениях, наблюдаемых в сфере восприятия текста как художественного.

Ряд оппозиций выделяется при анализе структуры текста; это оппозиции текстов отмеченных – неотмеченных, полных – неполных, клишированных – неклишированных.

Нарушение отмеченности текста возникает вследствие отклонений от норм его построения (нарушение грамматической и семантической связи между предложениями, отсутствие единства референтов, нарушение актуального членения и т.п.). Неотмеченные или неполностью отмеченные тексты возникают при переводе, при недостаточном владении языком и т.д. В художественном произведении неотмеченный текст может возникать как результат определённого стилистического задания [Леонтьев А.А. 1996, 60-70].

Оппозиция текстов полных – неполных связана с возможностью обнаружения формальной неполноты художественных текстов; эта неполнота (значимое отсутствие элемента текста) соответствует замыслу автора и несёт смысловую нагрузку (ср., напр., пропуски пронумерованных строф в крупных поэтических произведениях, внесение незавершённых построений в окончательный текст и т.п.).

Оппозиция текстов клишированных – неклишированных обусловлена теми различиями, которые обнаруживаются между текстами в отношении степени обязательности правил их построения. Некоторые фольклорные тексты (загадка, басня, сказка и др.), а также тексты деловые (патенты,

инструкции и т.п.) обладают строго определённой композиционной структурой, "сюжетными ходами" и т.д. [Новиков А.И., 2000, 170-172].

Особо следует выделить тексты-схемы, в которых основную семантическую нагрузку несут варьируемые элементы при наличии констант, придающих клишированную форму всему тексту (анкеты, тексты экспертиз, протоколы и др.). Крайней степенью клишированности является превращение текста в единый сигнал, значение которого начерпывается самим фактом наличия данного текста (напр., заключения о пригодности изделия к использованию и подобные тексты деловой речи).

При построении типологии текстов существенную роль играют семиотические характеристики: отношение между текстами (синтактика), отношение текстов к референтам (семантика) и агентам (прагматика).

В сфере синтактики обнаруживается разнообразие типов связей, объединяющих тексты в сложные многокомпонентные образования. Последние могут носить условный характер, объединяя тексты по признаку внешнего сходства (сборники афоризмов, загадок и т.п.). В других случаях тексты объединены единым коммуникативным заданием, хотя могут существовать и самостоятельно (лозунги к определённым датам). Ещё более сложные образования представлены циклами текстов (стихотворения, романы и т.п.), которые объединены единством идейно-художественного замысла, общими героями и т.п. В отношении последних групп целесообразно разграничивать микро - и макротексты [N.Fairclough., 2003, 43-45].

К области синтактики относится оппозиция текстов базовых – производных, связанная с различного рода трансформациями исходных текстов; ср., напр., тексты, являющиеся результатом сокращённого изложения (либретто, аннотация, реферат и др.). Для информатики особый интерес представляет компрессия базовых научных текстов. Своеобразным видом производного художественного текста является пародия.

В плане семантики выделяется оппозиция текстов моно – и полисемантических. Тексты художественной литературы и фольклора обладают – при наличии инвариантного ядра – неодинаковым объёмом семантической и экстатической информации для различных адресатов. Полисеманτικότητα художественного текста может являться результатом авторского замысла.

Совмещение в одном тексте ряда функций (напр., эстетической с философской, политической, религиозной и др.) является характерной чертой художественных текстов. На этом основании возникает оппозиция текстов моно – и полифункциональных. Тексты деловые и научные являются, как правило, монофункциональными.

Хотя отмеченные выше свойства и оппозиции не исчерпывают всего многообразия текстов, они отражают некоторые существенные стороны коммуникативного и структурно-семиотического аспектов и могут быть использованы при настроении типологии текстов.

1.3. Особенности построения текста

При анализе текста выявляется, что наряду с особенностями, присущими тексту в целом (рассказ, лекция, роман и т.д.), в нем можно вычленить отдельные отрезки (микротексты), которые являются относительно законченными в смысловом отношении. Эта особенность в плане содержания проявляется в структурной оформленности микротекстов, или сложных синтаксических целых (ССЦ), как их часто называют. ССЦ могут представлять собой один абзац или больше. Определение границ ССЦ, хотя и сложная проблема, но возможная, т.к. формальные сигналы, присущие ССЦ, действуют в его пределах. Переход к новому ССЦ знаменуется изменениями в плане содержания и в плане выражения. В области исследования текста проблемой является изучение содержательного и формального планов ССЦ [Schmidt S.J. 2008, 12-18 p.].

В плане содержания ССЦ представляет собой относительно законченный микротекст, в котором содержится описание определенного события, сообщения, описание явления. Метод актуального членения предложения, примененный к анализу сверхфразовых единиц, дает возможность выделить сложные синтаксические целые по их функции, т.е. реализации акта коммуникации. Функциональная перспектива текста определяется в двух аспектах; а) актуальное членение каждого предложения, б) актуальное членение текста в целом. Актуальное членение каждого отдельного предложения, т.е. выделение тем и рем данной сверхфразовой единицы, дает возможность определить границы действия темы данного микротекста, т.к. ССЦ строится вокруг одной и той же темы, которая и является связующим звеном в плане содержания. Ремы, т.е. новая информация, естественно разные. Актуальное членение текста в целом целью своей имеет определение коммуникативного центра ССЦ, который является его ремой и не членится на тему-рему. Позиция коммуникативного центра не закреплена. Он может находиться в начале, в конце или центре ССЦ, однако вся ситуация связана с ним. Определение общей темы и коммуникативного центра сверхфразовой единицы по методу актуального членения дает довольно объективный критерий (по сравнению с интуитивным выделением topic – sentence) определения смысловых границ сложного синтаксического целого.

Отвечая принципам единства формы и содержания сложное синтаксическое целое в структурном отношении является микротекстом, в котором обнаруживаются формальные сигналы связи между его частями.

В сложном синтаксическом целом действует коррелятивная связь, которая проявляется в лексических, лексико-грамматических и собственно формальных сигналах связи [J.P. Gee 2011, 62-64].

Лексические сигналы связи выражены повторами, субституционными группами (substitution sets), которые по природе своей могут быть синонимичными и антонимичными (both of them – they both; took out his

wallet – replaced his wallet. Лексико-грамматические сигналы представлены субститутами he, she, it и т.д., детерминативами the, this, that, функциональными существительными all, any, etc., функциональными глаголами do, would, связующими наречиями still, then, likewise, etc.; сочинительными союзами с присоединительным оттенком (and, but, etc.). Собственно формальные сигналы проявляются в: 1) фонетических особенностях сложного синтаксического целого (например, более удлиненных паузах); 2) соотносительности временных форм сказуемых в отдельных самостоятельных предложениях; 3) закономерности появления действительного и страдательного залогов; 4) определенном позиционном построении сложного синтаксического целого в смысле следования его частей – самостоятельных предложений (антецедент – коррелят постпозиционное положение присоединительных частей и т.д.).

Сигналы соотносительной связи в сложном синтаксическом целом проявляются лишь в пределах последнего, их действие прекращается на рубеже между отдельными сложными синтаксическими целыми. Так, субституты могут появляться на протяжении всего ССЦ, но при переходе к новому ССЦ называется уже упомянутый или вводится новый антецедент [Чернявская В.Е. 2009, 34; Якубов Ж.А.; 2006, 14].

Проблема изучения особенностей построения текста актуальна. Эта задача важна для методики преподавания языков. Действующие учебники по иностранным языкам, в основном, ограничиваются правилами порождения предложений, что же касается правил построения сверхфразовых единиц, т.е. организации речи в целом, то такие разделы, как правило, в учебниках отсутствуют. Несмотря на сложность, проблема описания сверхфразовых единиц в определенной мере уже решена, полное разрешение ее лишь дело времени.

Выводы по 1 главе

1. В настоящее время не ослабевает интерес к такому направлению, как лингвистика текста. Исследования ведутся в области рассмотрения методов, которые применяются в лингвистике текста, места и роли этого раздела в языковой системе.

2. Большинство исследователей опираются на приемы когезии, такие как: повтор, субституция элементов, составляющих предложение.

3. Особо акцентируется внимание на сохранение связи грамматики и лексики в структуре текста, как единицы языка и речи.

4. Вариации предложений при конструировании текста, приемы перифраз затрудняют идентификацию субститутов в тексте. Поэтому различные модели текста с помощью техники определения связей между предложениями, такими как повтор, субституция, союзная связь и др., оказываются способными формулировать свои правила.

5. С точки зрения грамматики наблюдается меньшая вариация предложений, опирающаяся на устоявшиеся в языке правила трансформации, по сравнению с лексическими изменениями или вариациями предложений, составляющими текст.

6. Явление межфразовой грамматической обусловленности индицирует связь в тексте. Эта связь может выступать также как союзная связь.

7. В лингвистике текста актуальным представляется решение проблемы распределения предложений в сложных синтаксических целых и выделении, а также описании дистрибутивных классов предложений. Данные дистрибутивные классы сопоставляют с деривационными классами предложений, входящих в текст.

8. Задачей лингвистики становится отыскание синтактико-семантических коррелятов единства текста в его внутреннем строении.

9. Различие речи, как процесса речевой деятельности, и текста, как её результата, проявляется в несовпадении их типологий. Однако связь между ними существует.

10. Конституирующим признаком текста является наличие нижней и верхней границы текста. Нижней границей текста является предложение. Верхняя граница текста задаётся автором текста. Благодаря ей текст выделяется как законченное единое целое.

ГЛАВА 2. КОММУНИКАТИВНО-НОМИНАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ВИДОВ ТЕКСТА

2.1. Анализ номинативного свойства загадки как особой разновидности текста

В данной магистерской диссертации был проведен анализ коммуникативно-номинативных характеристик одного из видов текста – текста загадки, выполненному на материале английских загадок. Номинативные характеристики загадки трактуются как имеющий статус текстовой категории. Проблематика работы рассматривается на стыке теории номинации и лингвистики текста.

Загадка неоднократно изучалась в разных аспектах: литературоведческом, структурно-семиотическом и структурно-семантическом. Особенно подробно исследован синтаксиса загадки. Специалисты признают знаковый характер загадки [Пермяков Г.Л., Левин Ю.И.], а также ее текстовой статус [Ейтер Г.В. и Юхт В.Л., Чернышев В.В., Левин Ю.И., Солганик Г.Я.]. Бинарный лингвистический статус загадки, ее отнесенность и к языку, и к речи делает загадку благодатным материалом исследования как с точки зрения теории номинации, так и с точки зрения лингвистики текста.

Номинация в загадке рассматривается сначала как процесс, а затем как результат. Соответственно в работе разграничиваются понятия номинации текста загадки и текстовой номинации. Первая представляет собой процесс номинации, а вторая есть уже результат этого процесса, онтологическое свойство самого текста загадки.

На первом этапе анализа рассматриваются основные параметры коммуникативной ситуации, звеном которой является загадка, а также определяется функциональная природа загадки.

Вслед за Г.В. Колшанским [1978, 26-37] текст трактуется, как единица коммуникации. Будучи единицей коммуникации, текст является также

звеном в коммуникативной ситуации. Любой текст имеет своего адресанта и адресата. Используя модель коммуникативного акта, предложенную Р. Якобсоном, коммуникативный акт загадывания можно представить как состоящий из двух стадий:

1.	Загадывающий	–	Текст загадки	–	Отгадывающий
	Адресант	–	Сообщение	–	Адресат
2.	Отгадывающий	–	Разгадка	–	Загадывающий
	Адресант	–	Сообщение	–	Адресат

При успешном декодировании полученного текста отгадывающим, коммуникативный акт загадывания прекращается на второй стадии. Однако не исключена возможность того, что разгадка, предложенная отгадывающим, неверна. В таком случае вторая стадия коммуникативного акта будет иметь рекуррентный характер, а посылаемое отгадывающим сообщение – разгадка – видоизменяться и варьироваться до совпадения его с разгадкой, ожидаемой загадывавшим.

Теоретически возможно ограничение всего текста загадки и, соответственно, всего коммуникативного акта, двумя составляющими – собственно текстом загадки и отгадкой, поскольку загадка является не просто вопросно-ответным диалогическим единством, как отмечает большинство исследователей, а, как показывается в работе, условным диалогом. Главное отличие загадки от других диалогических единств заключается в том, что она не образуется спонтанно, не рождается из ситуации, а функционирует как раз и навсегда данное. Если обычный диалог возникает из общения, то загадка образует общение. Запрограммированность ответной реплики отгадывающего выражается в том, что если в обычной речи адресат волен отвечать так, как он считает нужным, то в случае с загадкой адресат-отгадывающий должен отвечать так, как адресант считает нужным.

В работе мы выделяем два основных типа коммуникативной ситуации, свойственной загадке: первичная или бытовая и вторичная или литературная. Первый тип коммуникативной ситуации характеризует те случаи, когда процесс загадывания происходит в быту, при непосредственном общении.

Второй тип коммуникативной ситуации имеет место в тех случаях, когда загадка переключивается в контекст других литературных жанров /сказку, балладу, песню/ и тогда ситуация загадывания происходит опосредованно, между персонажами того или иного произведения.

Первый тип – бытовая коммуникативная ситуация – представлен двумя основными видами: это так называемая серьезная коммуникативная ситуация и игровая коммуникативная ситуация, как часть смеховой, карнавальной культуры народа.

Определенным типам коммуникативной ситуации соответствуют и определенные типы текста загадки. В работе мы выделяем следующие типы текста загадки: истинные загадки, библейские загадки, загадки-шутливые вопросы, загадки-задачи, neck-riddles. Единицей коммуникативного акта загадывания в первичной бытовой ситуации может быть любой из вышеперечисленных типов текста загадки, за исключением neck-riddles, которые являются единицей коммуникативного акта во вторичной литературной ситуации. Подобное их название объясняется тем, что в старину от успешного разгадывания такой загадки зависела жизнь человека, ср. наиболее яркий и общеизвестный историко-мифологический пример – загадки Сфинкса. В более поздних вариациях, данный тип загадок решает уже вопрос о способности героя произведения жениться, либо получить свободу, либо одержать победу над соперником.

Выделенные типы текста загадки условно можно разделить на две большие группы: 1) загадки, отгадки которых вытекают из суммы описательных элементов образной части (истинные загадки). 2) загадки, разгадывание которых требует определенных дополнительных знаний, а сама загадка не складывается из суммы наличествующих в тексте элементов (библейские загадки, neck-riddles, загадки-задачи, загадки-шутливые вопросы и т.д.).

Тип текста загадки позволяет выделить типы адресанта и адресата. Адресантом библейских загадок является тот, кто наиболее заинтересован в

закреплении знаний Библии и основных положений вероучения – священнослужитель, а их адресатом, соответственно, те, кого следует научить хорошему знанию Библии – молодое поколение.

Тип текста загадки и тип коммуникативной ситуации, адресанта, адресата носят взаимообусловленный характер. Тип текста загадки определяет тип адресанта, адресата и, шире, коммуникативной ситуации, а, с другой стороны, тип адресанта, адресата и самой коммуникативной ситуации определяет тип текста загадки.

Основным параметром функциональной природы загадки является её прагматическая установка. Под прагматической установкой текста, вслед за В.Л. Наером [1987, 78], понимается аспект коммуникативной установки, в которой реализуется позиция производителя речи относительно назначения речи и того иллюкативного ракурса, в котором она должна восприниматься. В работе разграничиваются прагматическая установка адресанта и прагматическая установка текста. Прагматическая установка адресанта заключается в побуждении адресата-отгадывающего к ответу. Прагматическая установка текста предопределяется самим названием типа текста – загадывание, кодирование, сокрытие предмета обозначения. Прагматическая установка адресанта и прагматическая установка текста, как речевого продукта деятельности адресанта, взаимосвязаны и взаимообусловлены. Так, адресант *neck-riddles*, исходя из своей прагматической установки – добиться того, что адресат не может отгадать загадку – соответствующим образом реализует ее в процессе создания самого текста: он создает такое кодированное описание, что загадка становится неразрешимой.

И наоборот, адресант истинных загадок, преследующий цель получить ответную реакцию адресата, создает такой текст, который дает реальную возможность его декодирования.

В своей работе мы выделяем два вида прагматической установки адресанта: непосредственная и опосредованная, что обусловлено

утилитарным, практическим назначением загадок, как жанра бытовой культуры народа. Непосредственная прагматическая установка адресанта заключается в побуждении к ответу, а опосредованная – в установке на закрепление знаний, развитие смекалки, аналитических способностей и т.д.

Функциональная направленность загадки, включенной в систему коммуникации, мы определяем в работе как её направленность на обозначение неязыкового объекта.

На втором этапе анализа устанавливается достоверность высказанной гипотезы об изоморфическом характере процесса номинации текстом загадки и номинации словом, предложением. Рассматривается знаковый статус загадки в сопоставлении с другими языковыми знаками.

Мы считаем, что загадка преимущественно ориентируется на обозначение отдельных предметов, явлений окружающего мира, что сближает её с лексической номинацией. Незначительное количество загадок направлено на обозначение какой-либо ситуации, основанной на связи простых, отдельных предметов в определенном временном и/или пространственном отношении, что сближает загадку с препозитивной номинацией.

Рассмотрение таких аспектов загадки-знака как характер референта, денотата, сигнификата позволило выявить специфические особенности номинации текстом загадки. Было выявлено, что у загадки нет референта как такового, поскольку она обозначает денотат – класс однородных предметов – и не связана с конкретной ситуацией общения. Специфический характер несет и сигнификат загадки, поскольку загадка не отражает подобно слову понятия о предмете. То описание предмета, которое дает текст загадки, является скорее представлением о данном предмете и не несет, в отличие от понятия, обобщающего характера.

Загадка репрезентирует предметы и явления внешнего мира человека по свойствам, воспринимаемым чувствами (визуальное, тактильное, слуховое, вкусовое восприятие и реже через органы обоняния), а не

мыслями, то есть по тому, что А.А. Уфимцева [1988, 156] называет репрезентацией по денотату, а не по сигнификату.

Совпадая с лексической номинацией в обозначении отдельного простого денотата, загадка в то же время отличается от неё развернутым характером наименования. Форма означающего-загадки может состоять из одного простого или сложного предложения, а также включать более одного предложения. В плане формы обозначения номинация текстом загадки в большинстве случаев совпадает с препозитивной номинацией, отличаясь от нее в то же время по характеру обозначаемого-денотата: препозитивная номинация направлена только на обозначение сложного денотата-ситуации. Таким образом, номинация текстом загадки предстает как промежуточное явление между лексической и препозитивной номинациями.

В работе раскрывается механизм номинации текстом загадки. Номинация текстом загадки изоморфна в гносеологическом, отражательном плане процессам номинации словом и предложением. В загадке также происходит сначала мысленное отвлечение и одновременное выделение признака предмета, который выбирается в качестве различительного и кладется в основу наименования. Однако, в отличие от других типов номинаций, загадка характеризуется выделением и дальнейшим отражением, как правило, не одного, а двух и более признаков номинируемого предмета.

В качественном отношении выбираемые и отображаемые признаки предмета также характеризуются определенными отличительными чертами. На данном этапе анализа используется сопоставительный компонентный анализ: сравнивается, как один и тот же предмет представлен закрепленным в языке словом, выражающим понятие о данном предмете, через анализ словарной дефиниции, и текстом загадки.

При рассмотрении семантической структуры слова в качестве исходных были приняты некоторые положения современной лингвистики о структуре лексического значения в трактовке М.В. Никитина [2004, 68].

По отнесенности признаков предмета к содержанию лексического значения они могут быть:

а) интенциональными, как например, признак «lives in water» (метафорическое переосмысление признака «находится в воде») в загадке о соли («Something lives in water, Still water kill it»), на что указывает вхождение данного признака в интенционал значения слова-отгадки («salt – white substance obtained from mines, present in seawater ...» [102];

б) импликациональными, как например, признак «water kill it» в вышеприведенной загадке о соли, на что указывает отсутствие данного признака в составе интенционала значения слова «salt», или признаки «round» и «black» денотата загадки о чайнике («Round as an apple, Black as a bear»), относящиеся к области слабого, вероятностного импликационала слова-отгадки «kettle», так как данные признаки могут быть, а могут и не быть у чайника;

в) негемпликациональными, как например, признак «nose» в загадке о картошке («A hundred eyes and never a nose»), поскольку он невозможен в отношении к загаданному денотату [104].

Таким образом приходим к выводу, что загадка, как тип номинации, в отличие от лексической номинации, характеризуется выделением и отражением преимущественно несущественных, второстепенных признаков, которые не являются различительными для обозначаемого предмета. В составе значения слова они образуют его импликационал. Номинация текстом загадки отличается своей обращенностью к признакам, несовместимым с номинируемым предметом и образующим негемпликационал слова-отгадки. В случае, когда используются существенные, интенциональные признаки предмета, количество их остается недостаточным для автоматической идентификации загаданного денотата.

Немаловажную роль в номинации текстом загадки играет форма представления избранных признаков в тексте загадки. В приводившейся загадке о соли признаки «находится в воде» и «растворяется в воде»

подавались в метафорической форме. В загадках используется также метонимическая форма представления признаков предмета. Форма представления признаков предмета в тексте загадки является дополнительным средством сокрытия предмета (помимо характера выбираемых признаков).

На третьем этапе анализа мы рассматриваем каким образом функциональная направленность текста загадки на обозначение предмета реализуется в самом тексте в виде его онтологического свойства – категории текстовой номинации. Категория текстовой номинации трактуется как направленность всего корпуса текста загадки на обозначение какого-либо предмета, явления или ситуации внеязыковой действительности. Данная категория текста реализуется на всех уровнях текста, взаимодействие которых и определяет ее формирование.

Известно положение о первом уровне вертикальной системы текста, представленное в работе А.Д. Прянишниковой [2003, 168], где этот уровень трактуется как состоящий из текстовых средств. В основу выделения текстовых средств положен принцип одинаковой маркированности единиц в выражении какой-либо идеи, мысли текста. Соответственно текстовым средством, по мысли А.Д. Прянишниковой, может быть любая единица независимо от ее языкового ранга. На втором уровне текстовые средства объединяются в текстовые единства. В целом уровневая организация системы текста и сама система текста в отношении к уровневой организации языка предстает как бы в перевернутом, вертикальном виде.

Исследуемый материал показывает, что одинаковую маркированность проявляют и единицы одного языкового уровня, включенные в систему текста. Так, ряд аллитерирующих звуков текста объединяются на основе одинаковой маркированности (или семантического повтора) и выполняют при этом номинирующую функцию. Фонетические, лексические, синтаксические и композиционно-стилистические средства также объединяются с помощью повтора, то есть имеют изоморфный характер

организации. Данные уровни образуют как бы слои в вертикальной уровневой организации текста, исходя из чего следует вывод о многослойном характере уровня текста.

В работе мы рассматриваем механизм формирования категории текстовой номинации на всех уровнях текста.

Фонетические средства, не обладая самостоятельной способностью к номинированию загаданного денотата, но сочетаясь с другими средствами текста, вносят свой несомненный вклад в формирование категории текстовой номинации. Основными фонетическими средствами, задействованными в механизме создания текстовой номинации, являются: звукопись традиционная, звукопись отгадочная, звукосимволизм, рифма, аллитерация, ассонанс и интонация.

Звукопись традиционная представляет собой имитацию естественных звуков природы. В текстах загадок выделяется два основных вида звукописи: использование звукоподражательных слов, закрепленных в языке («splash», «jingle»), а также не зафиксированных в языке («gink-gink», «chickadee»). В загадке о дойке коровы используются звукоподражательные олова «tink», «tank», не имеющие предметно-логического значения и служащие номинации звука, которым сопровождается процесс дойки коровы (имитируют звук, производящий струей льющегося в ведро молока):

Tink, tank under the bank,

Ten drawing four [106].

Звукопись отгадочная представляет собой специфическое для загадки явление, которое было впервые рассмотрено на материале русских загадок. А.И. Гербстманом [вебсайт]. Под отгадочной звукописью понимается наличие звуковой подсказки в тексте загадки. Выделяются различные виды отгадочной звукописи на материале английских загадок. В загадке о попугае звуковой состав слова-отгадки «parrot» [ˈpærət] рассыпан в одном ключевом слове текста "I tum Paraditum" [ˈitəm ˌpærəˈditəm], а сам текст подсказывает, что требуется умение прочитать (вторая и третья строчки):

I tum Paraditum all clothed in green,
The king could not read it, no more could the Queen,
They sent for the wise men out of the East,
They said it had horns, but it wasn't a beast [107].

Роль звуко-символизма в механизме формирования текстовой номинации заключается в том, что отдельные звуки, неоднократно повторяясь в тексте загадки, приобретают семантическую нагруженность и символическую окраску. В загадке об осе из двадцати двух гласных звуков звук [i] повторяется четырнадцать раз, реализуя тем самым заложенную в нем потенцию символизировать нечто, маленькое (импликационный признак осы – «маленький размер»).

Механизм участия рифмы, аллитерации и ассонанса несколько отличается от механизма участия звукописи и звуко-символизма в формировании текстовой номинации. Соединяя повтором слова текста, непосредственно описывающие признаки загаданного денотата, они акцентируют тем самым на них внимание и выделяют как семантически значимые из остальных слов текста. В загадке о лягушке рифма соединяет слова «toes» и «nose», которые описывают такие импликационные признаки лягушки как наличие пальцев и носа. В загадке о дыме аллитерация соединяет слова «cloud», «climb», «couldn't climb», обозначающие такие импликационные признаки дыма как его подобие с облаком и невозможность взобраться на него. Характерно, что начальная фраза текста «My fader put me ...» не включается в аллитерирующий ряд, поскольку не состоит из слов, обозначающих признаки дыма, а является формульным зачином, повторяющимся из текста в текст.

Основную нагрузку в формировании категории текстовой номинации несет лексический уровень текста. Основными лексическими средствами формирования текстовой номинации являются: антонимы, синонимы, омонимы, полисемантические слова, слова, отнесенные к одной лексико-семантической группе.

В загадке о горохе номинация основана на антонимическом повторе прилагательных «young» и «old», обозначающих импликационные признаки гороха, известные нам из повседневного опыта – способность сухого гороха производить звук щелчка при нажатии на него (метафорическое описание «old speak») и неспособность зелёного гороха издавать подобный звук (метафорическое описание «young wouldn't speak»):

I speak to the young and they wouldn't speak;

I speak to the old and they speak [105].

В сравнении с антонимами, синонимы не играют значительной роли в механизме создания текстовой номинации, поскольку загадка прежде всего нацелена на создание атмосферы загадочности, алогичности, основным материалом для которой являются противопоставленные по значению слова. В загадке о дыме синонимичные слова «hit» и «knock» подчеркивают импликационный признак загаданного денотата – то, что его нельзя ударить:

Riddle my riddle rocket,

You can't hit it and I can't knock it [108].

Подчеркивание и акцентуация одного и того же признака загаданного денотата говорит о центральной роли синонимического повтора в формировании текстовой номинации в данной загадке.

Интенсивное использование в загадках омонимичных и полисемантических слов связано с излюбленным загадкой приемом игры слов – каламбура. Механизм действия полисемантических слов в создании текстовой номинации также основан на повторе. В загадках о часах имеем алогичное описание загаданного предмета: что он дошел до Северного полюса и остановился там, и что он одновременно вернулся, поскольку не мог пойти туда:

What went to the North Pole and stopped there,

And came back because it couldn't go there?[103]

Алогичность текста создается за счет понимания полисемантического глагола «go» в значении «ходить», заряд которому дает намеренное введение в текст ряда глаголов, обозначающих движение «went», «stopped», «came», «go». Соответственно и глагол «go» воспринимается именно в данном «двигательном» ключе, подключаясь в один ряд семантического повтора с глаголами движения. Однако, одновременное отрицание способности загаданного денотата ходить переключает полисемантический глагол «go», имеющий также значение «работать, функционировать» в один ряд семантического повтора с глаголом «stop», обозначающим «перестать работать». Таким образом, загадывание и кодирование денотата происходит за счет включения полисемантических глаголов «go» и «stop» в ряд семантического повтора с глаголами движения, а номинирование собственных импликациональных признаков часов («способность функционировать» и «способность остановиться в работе») происходит за счет включения полисемантических глаголов «go» и «stop» в один ряд семантического повтора в значении «работать, функционировать».

Механизм работы омонимичных слов в процессе создания текстовой номинации во многом аналогичен механизму действия полисемантических слов: омонимичные слова участвуют одновременно в двух рядах семантического повтора, образуемых двумя разными, но одинаковыми по звучанию словами. В загадке о долгах механизм номинации загаданного денотата основан на одновременной актуализации двух омофонов – и «contract» («сжимать») и «contract» («делать долги»). Противопоставление, образуемое первой частью текста («What grows larger...»), и второй («... the more you contract it..?») основано на алогичности той зависимости, которая устанавливается между глаголами «grow» («расти, увеличиваться») и contract («сжимать, сокращать»): если что-то сжимается, то оно одновременно не может увеличиваться. Алогичность создается рядом семантического повтора, в котором участвуют глаголы «grow» и «contract», связанные способностью обозначать изменение физических размеров.

Переключение данных глаголов в семантический ряд повтора, обозначающий действия, воспринимаемые не чувственно, а абстрактно («заключать», «расти, увеличиваться»), разрешает алогичность текста, а сами глаголы начинают обозначать импликациональные признаки загаданного денотата: ведь долги действительно увеличиваются, по мере того, как их делаешь.

Роль слов одной лексико-семантической группы в механизме создания текстовой номинации наиболее ярко проявляется в тех загадках, текст которых лапидарен до такой степени, что возникает сомнение относительно его текстового статуса. Перечень признаков, выбранных, в качестве основы наименования, не организуется какими-либо синтаксическими связями. И тогда отнесенность слов к одной лексико-семантической группе генерирует необходимую для текста семантическую связь между словами, а сами признаки, представленные данными словами, в единую номинацию.. В загадке о самообогревателе слова «hump» и «smooth», описывающие такие импликациональные признаки денотата как его неровная задняя часть и ровная передняя, входят в одну лексико-семантическую группу, обозначающую поверхность предмета. Слова «back» и «belly», описывающие такие импликациональные признаки предмета как наличие задней части и внутренности, относятся к одной лексико-семантической группе, обозначающей части предмета: Hump back, smooove (smooth) belly [106].

Связанность слов по отнесенности к одной лексико-семантической группе создает целостный образ самого предмета.

Основными синтаксическими средствами, формирующими текстовую номинацию, являются синтаксический параллелизм и соотнесенность грамматического значения. Особенно значительна роль синтаксического параллелизма в загадках, и это не случайно. Загадка, как было показано, характеризуется вычленением и дальнейшим представлением каких-то отдельных, порой не связанных между собой признаков предмета. И тут роль синтаксического параллелизма становится очевидной: он соединяет

несоединимое и генерирует целостный образ предмета. В загадке о яйце обе строчки параллельны:

Upon the house, white as snow;
Down on the ground, yellow as gold [107].

Если в первой части параллельной конструкции возможно обнаружить какую-то семантическую связь («upon» и «down») являются антонимами, то во второй половине конструкции семантическая связь не столь очевидна. Правомерность одновременной характеристики загаданного денотата и как белого, и как желтого по цвету, доказывается и обосновывается их параллельным введением в текст. Гипотетически связывая данные признаки воедино и относя их к одному и тому же предмету, синтаксический параллелизм становится тем цементирующим средством, на котором формируется целостная текстовая номинация.

Композиционно-стилистический уровень является специфическим для текста уровнем. Единицей композиционно-стилистического уровня является стилистический прием. Подобно другим уровням текста композиционно-стилистический уровень образуется из единиц – стилистических приемов, связанных между собой семантическим повтором.

В загадке о наперстке в основе образной структуры текста лежит стилистический прием антитезы: одновременно утверждается, что имеется маленький дом, не вмещающий даже мышки, и что у этого дома окон столько же, сколько в королевском доме:

I have a little house,
And it wouldn't hold a mouse.
There's as many windows in it
As in the King's whole house [108].

Уже внутри стилистического приема антитезы становятся очевидными / стилистический прием метафоры / образное переименование наперстка домиком с множеством окон/, связанный с антитезой общностью и связанностью по смыслу. Выделяется также стилистический прием

сравнения («as many windows ... as in the King's whole house»), связанный с метафорой и антитезой акцентуацией того же смысла, который можно обозначить как противопоставленность маленький/много, что непосредственно отражает такой импликациональный признак наперстка, как его маленькие размеры и большое количество углублений.

Целостная категория текстовой номинации является результатом взаимодействия всех уровней текста.

Основным композиционно-стилистическим средством формирования текстовой номинации в загадке о снеге является прием развернутой метафоры, центральным образом которой выступает образ птицы:

White bird featherless

Flew from Paradise

Perched upon the castle wall;

Up came Lord John landless,

Took it up handless

And rode away horseless

To the king's white hall [108].

Развернутая метафора включает ряд простых метафор: bird – snow, flew – fall, Paradise – sky, Lord John – sun, took – smelt, rode-flowed.

Одновременное введение в текст ряда оксюморонов ограничивает общую основу метафорических переосмыслений до значения: нечто, способное передвигаться по воздуху, падает с неба и садится на стену, затем подвергается дистантному воздействию чего-то всеильного, в результате которого объект изменяет свое местонахождение (физически не передвигаясь при этом) и попадает в нечто белое. На лексическом уровне данное сужение метафорического образа до нужного значения, передающего признаки загаданного денотата, осуществляется отрицанием (суффикс – less) связи между параметрическими парами bird-featherless, Lord-landless, took-handless, rode-horseless. На фонетическом уровне акцентуацию отсутствия связи между параметрическими парами осуществляет рифма, которая выделяет те же

слова. С отрицательным суффиксом: featherless-landless-handless-horseless. Таким образом, и лексический, и фонетический уровни подчеркивают негиппликациональные признаки загаданного денотата, ограничивающие круг поиска: что это не птица, не лорд, который не дотрагивается до него и не мчит его на коне. Роль синтаксического уровня в номинации заключается в том, что соотнесенность грамматического значения глаголов *flew, perched, came, took, rode* (прош. неопр. время) связывает обозначаемые глаголами признаки денотата (летает, садится, к нему подходят, берут, уносят), как относящиеся к одному и тому же объекту. Синтаксическая конструкция первых трех строк текста (Adj+N+Adj+V+Conj+N) отличается от синтаксической конструкции последующих строк (Adv+V+N+Adj/V+Pron+Adv). Тем самым подчеркивается, что в первой части текста речь шла о непосредственных признаках самого денотата, а во второй части признаки денотата описываются опосредованно через характеристику действий, возможных по отношению к данному предмету.

Во многом символичен звуковой состав текста: он буквально насыщен глухими звуками [t], [θ], [p], [s], [f], а также сонорным звуком [l], рисующими общий образ чего-то мягкого, плавного, текущего, что далеко не случайно, так как загадывается целый процесс выпадения снега, его таяние, текучесть уже растаявшего. Обилие в тексте звука [s], более того, его подчеркнутое выделение в конце каждой строки, позволяет говорить об отгадочной звукописи, так как именно данный звук доминирует в отгадке – snow smelt with the sun. Таким образом, анализ показывает, что одна и та же информация, касающаяся признаков номинируемого предмета, выделенная на композиционно-стилистическом уровне, подхватывается на всех остальных уровнях, каждый из которых участвует в формировании целостной категории текстовой номинации.

2.2. Сказка, как особый вид текста

Принципы выдвижения, под которыми понимается набор формальных признаков в тексте, фокусирующих внимание на определённых участках его и устанавливающих смысловые связи между элементами разных уровней или дистантными элементами одного уровня, помогают оценить относительную значимость данных участков текста, иерархию идей, чувств. приёмы выдвижения дают установку на целостное восприятие художественного текста. Они являются принципами обобщающего характера и выявляют взаимодействие элементов разных уровней в структуре произведения. Таким произведением можно рассматривать сказку, как один из видов текста.

Парадигматическая эквивалентность элементов сказочного текста может проявляться в их фонетическом, семантическом или структурном сходстве. Синтагматическая эквивалентность элементов обеспечивается их появлением в определённых местах логически завершённых отрезков текста (в начале, в конце отрывка, абзаца и т.д.), в параллельных конструкциях. Также она может обеспечиваться способностью элементов определять одно и то же слово или иметь в качестве определяемых эквивалентные элементы. Большой вклад в изучении сказки, как особого вида текста, был сделан А.Н. Веселовским [1964, 67]. Его «Историческая поэтика» известна всему миру. Не менее значительны в области фольклористики исследования В.М. Жирмунского, которого по справедливости можно назвать главой целой школы (его ученики Б.Н. Путилов, Е.М. Мелетинский, А.Н. Робинсон и другие внесли большой вклад в развитие фольклористики, в частности, в исследование структуры сказки) [В.М. Жирмунский 1967, 34-42]. Но работы В.М. Жирмунского, как и исследования А.Н. Веселовского, принадлежат к исследованиям сравнительно-исторического плана.

Начало структурно-типологического анализа сказки с элементами формализации связано с именем Ж. Бедье [118]. Он выделяет в структуре сказки величины постоянные и переменные, но чётко определить эти

элементы не может. Близок к структурно-типологическому описанию сказки исследователь А.И. Никифоров.

Он даёт структурно-морфологический анализ сказки, уподобляет её элементы составным частям морфологического анализа: корню, суффиксам, флексиям и т.д. [А.И. Никифоров, 1974, 23].

Особенно интересными и плодотворными с точки зрения структурно-типологического анализа сказки являются исследования В.Я. Проппа [В.Я. Пропп, 1969, 12]. Он поставил перед собой задачу выявления таких элементов в волшебной сказке, которые остаются постоянными при переходе от сюжета к сюжету. Соотношение этих инвариантов в рамках сказочной композиции и составляет, по Проппу, структуру волшебной сказки. В качестве постоянных повторяющихся элементов В.Я. Пропп выделяет функции действующих лиц. Проанализировав сто сказок, В.Я. Пропп выводит единую формулу их структур и делает вывод о полном единообразии их строения, оговариваясь при этом, что сказочник свободен в выборе языковых средств. Это богатейшая область подлежит изучению морфолога, изучающего строение сказки. Стиль сказки представляет собой явление, которое должно быть изучено специально.

Своими попытками применить принципы структурной лингвистики к фольклору известен американский исследователь Клод Леви-Стросс [1970, 58-59]. Если В.Я. Пропп, искавший жанровую специфику сказки, берет во внимание, прежде всего, синтагматику с выяснением значения функций каждой синтагмы в рамках данного сюжета, то Леви-Стросса при анализе мифов интересует, в основном, «мифологическая логика». Он пытается из сопоставления вариантов мифа выявить его парадигматику. Леви-Стросс выделяет такие конструктивные единицы, как мифемы, которые следует искать на более высоком уровне, чем фонемы, морфемы и семантемы. Каждая мифема выполняет в структуре мифа свою функцию. Между функциями устанавливаются определенные отношения. Эти выводы позволили автору выразить структуру вариантов мифа одной формулой.

Структурными исследованиями фольклора занимались многие ученые: Р.О. Якобсон, Р.П. Армстронг, Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Е.М. Мелетинский и др.

Для нашего анализа выбрана английская народная сказка «How Jack Went to Seek his Fortune» из сборника Джозефа Джекобса «English Fairy Tales». Нас интересует структура сказки не вообще, не изолированно, а постольку, поскольку она помогает проникнуть в содержание, раскрыть тот внутренний смысл, который люди издавна вкладывали в сказки. Наша задача – опираясь на известные структурно-типологические исследования фольклора и методы стилистического декодирования, показать, что сцепление есть один из приемов, которые помогают осмыслить структуру художественного текста в ее целостности.

Впервые понятие сцепления (coupling) было предложено американским лингвистом С. Левиным. Он определяет сцепление как появление парадигматически эквивалентных элементов в эквивалентных позициях контексте, понимая под позицией место в речевой (синтагматической) цепи, где возможна та или иная замена [S. Levin, 1962, 56].

И.В. Арнольд понимает сцепление как сходство элементов в сходных позициях, сообщающее целостность всему тексту или отдельным частям его и подчёркивающее важные смыслы [И.В. Арнольд, 1985, 65-71]. Е.Т. Кононенко впервые применила метод сцепления при анализе ритмической прозы [Е.Т. Кононенко, 1983, 25].

В первой части сказки сцепление создается на основе разных видов повторов. Эквивалентность позиций проявляется в параллельных конструкциях.

Касаясь понятия параллелизма, будем исходить из его определения, данного М.Д. Кузнец и Ю.М. Скребневым; под параллелизмом будем понимать более или менее полную тождественность синтаксической структуры двух или нескольких следующих друг за другом предложений [М.Д. Кузнец и Ю.М. Скребнев, 2007, 37].

За исходной ситуацией сказки, которая начинается со сказочного клише «Once on a time», содержит в себе неопределенное указание времени «one morning», неопределенный артикль перед словом boy (все это характерно для начала сказки), следует ряд параллельных конструкций с эквивалентными элементами в них:

He hadn't gone very far before he met a cat.

They went a little further and they met a dog.

They went a little further and they met a bull.

They went a little further and they met a goat.

They went a little further and they met a rooster [103].

Все эти предложения содержат общий семантический компонент: имеют значение прохождения небольшого расстояния (а четыре из них имеют тождественные элементы: They went a little further and they met ...).

Интересен случай употребления в эквивалентных позициях слов cat, dog, bull, goat, rooster. Эти названия животных соответствуют понятиям одного уровня обобщения и, следовательно, являются по отношению друг к другу эквонимами. Отношения эквонимии – это отношения понятий и имен одной предметной области и одного уровня обобщения [М.В.Никитин, 2004, 68]. Эти элементы (cat, dog, bull, goat, rooster) являются эквонимами в предметной области «Domestic Animals», т.е. они связаны с понятием «Domestic Animals» родо-видовыми (или гипо-гиперонимическими) отношениями, а между собой - эквонимическими.

Таким образом, в данном отрывке сказки наблюдается сцепление семантически эквивалентных элементов, в результате чего у рассмотренных слов появляются новые коннотации: все эти животные стали друзьями Джека.

Сцепление на семантическом уровне дополняется сцеплением на фонетическом уровне.

После фраз (которые повторяются четыре раза): «Where are you going Jack?» – said the cat; I am going to seek my fortune; May I go with you?; «Yes»,

said Jack, «the more, the merrier» находим: So on they went, jiggelty-jolt, jiggelty-jolt.

Аллитерация - jiggelty-jolt, jiggelty-jolt, стоящие под ударением сонантные *on* и *went* указывают на сцепление на фонетическом уровне. Инверсия обеспечивает ритмический рисунок предложения.

Все это вместе взятое создает перед читателем или слушателем веселую, оживленную картину: друзья шли бодро, радостно и, судя по всему, напевали песенку.

Картина сменяется во второй части сказки. Повествование приобретает другую окраску. Использование глагола *went on* как бы продолжает первую часть, но уже нет инверсии. Изменился и ритмический рисунок всего повествования. Если первая часть близка к поэзии (инверсия, аллитерация, расположение строк, ритм), то вторая более прозаична. Предложения длинные, нет четкого ритмического чередования ударных и безударных слогов. Герои устали, близилась ночь, нужно было подумать о ночлеге. Чувствуется, что у друзей уже нет того задора, с которым они шли днем [Веселовский А.Н, 1964, 17].

Во второй части графически и содержательно выделяется два отрезка. Они начинаются с предложений:

1. Well, they went on, till it was about dark.
2. And then they went in and took possession of the house [104].

Оба предложения начинаются со связующих элементов: как вводное *well*, так и союз *and*, связывают абзацы с предыдущими частями текста. Ритм предложений дает одинаковую картину. В значении предложений также прослеживается эквивалентность, что обеспечивается повторением глагола *went*.

За данными предложениями следуют соответственно:

1. ...the cat mewed, the dog barked, and the goat bleated, and the bull bellowed, and the rooster crowed, and all together they made such a dreadful noise...

2. ... he put the cat in the rocking-chair and he put the dog under the table, and he put the goat upstairs, and he put the bull in the cellar, and the rooster flew up on the roof, and Jack went to bed [105].

Первый отрывок показателен в том смысле, что он полностью построен на сцеплениях.

Сцепление проявляется, во-первых, в том, что в параллельных конструкциях появляются эквонимы: cat, dog, bull, goat, rooster, во-вторых, глаголы, называющие звуки, издаваемые животными, также находятся в отношениях эквонимии в параллельных конструкциях, и, в-третьих, все названия животных в этом же предложении обобщены словосочетанием all together they, а глаголы mewed, barked, bellowed, bleated, crowed фразой: make a noise. Можно утверждать, что в данном отрывке наглядно продемонстрированы эквонимические и гипо-гиперонимические отношения в рамках определенного контекста.

Контекст сказочного текста может вносить различные изменения в отношения между элементами и накладывать определенный отпечаток на семантическую структуру слова [Гак В.Г, 1976, 5; 1997, 87-95.].

В частности, при рассмотрении явления эквонимии в английских народных сказках обнаружено, что под влиянием контекста в разряд эквонимов могут попадать слова, которые вне данного контекста не связаны эквонимическими и гипо-гиперонимическими отношениями.

Огромную роль при этом выполняет сцепление, так как слова, не принадлежащие к одной предметной области, попадая в эквивалентные позиции в контексте, приобретают новые коннотации. таким образом, у них появляется общее понятие ближайшего высшего уровня – гипероним. например, во втором из предложенных нами отрывков мы имеем такие элементы (которые следуют за повторяемыми тождественными фразами he put): in the rocking-chair, under the table, upstairs, in the cellar, on the roof. Эти элементы в данном контексте находятся в отношениях эквонимии. Гиперонимом к ним является понятие The Objects of the House. Следует

заметить, что слова *rocking-chair* и *table* и фразы *in the cellar*, *upstairs*, *on the roof* по отдельности являются эквонимами вне контекста. первые принадлежат к предметной области *Furniture*, а вторые – к предметной области *The Parts of the House*. В контексте сказки они объединяются в одной, более широкой, предметной области.

В третьей части сказки – шесть абзацев. четыре из них (за исключением первого и последнего) начинаются с фраз: *I went back (to the house)*; *I went to (the table)*; *I started to go (upstairs)*; *I started to go (down cellar)* [106].

Фразы эквивалентны семантически (передают значение движения) и позиционно (начинают абзацы). заканчиваются абзацы эквивалентными предложениями. которые, кроме тождественных элементов (*that was* и *you know*). содержат эквонимы (*cat*, *dog*, *goat*, *bull*, *cock*). Предложения благодаря фразе *You know* обращены непосредственно к читателю.

Последний из шести абзацев начинается словами *But I shouldn't have minded all that, if it hadn't been for that fellow on the roof who kept on a-hollering...* Петух окончательно напугал разбойника и обратил его в бегство, так как все остальное, по словам последнего, было еще терпимо. в заключительном предложении абзаце (которое является и непосредственным концом сказки) мы не находим слова *rooster*, хотя речь идет о том же петухе и все другие животные названы своими именами в предыдущих абзацах [Герман И.А., 2000, 59-60.].

Употребление гораздо более эмоционального *cock-a-doodle-do*, а также вводного *of course* позволяет сказать, что образ петуха занимает в сказке особое место. В подтверждение можно привести и вторую часть: всех животных на ночлег устраивал Джек, петух же взлетел на крышу самостоятельно.

Установление и повторение определенного порядка в перечислении животных и их действий на протяжении всего повествования создает сцепление на композиционном уровне. Это придает сказке, как особому виду

текста, стройность и поэтичность. способствует ее быстрому и прочному запоминанию.

Выводы по 2-ой главе

Загадка представляет собой особый вид текста, характеризуемый своеобразной коммуникативной природой. В данной работе определяются типы коммуникативной ситуации, адресанта, адресата, типы текста, характерные для функционирования загадки, а также раскрывается ее прагматическая установка.

Были рассмотрены характеристики загадки как номинация текстом. Исходя из прагматической установки загадки раскрывается механизм номинации текстом загадки.

Был описан механизм формирования категории текстовой номинации на всех уровнях текста.

Анализ прозаического произведения, такого как сказка, методом сцепления позволяет увидеть текст в тесной взаимосвязи его формы и содержания, что очень важно для восприятия текста как целостной структуры.

В сцеплении участвуют элементы различных уровней, каждый из которых несет определенную стилистическую нагрузку. Иерархия элементов всех уровней, которая и создает целостность текста, четко прослеживается при анализе художественного произведения методом сцепления.

Анализ текста на основе принципа сцепления показывает тесную связь литературоведения и лингвистики.

ГЛАВА 3. ИССЛЕДОВАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО АСПЕКТА ТЕКСТА

3.1. Коммуникативно-прагматическая сторона диалогического текста

Как известно, диалог представляет собой особый вид текста. Академик Л.В. Щерба четко разграничивал монолог и диалог, отдавая предпочтение последнему. Так, Л.В. Щерба писал: «Подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге». Причем монолог – это основа литературного языка, а диалог – это основа разговорной речи.

Диалог состоит из целой цепочки реплик. Монолог представляет систему мыслей, выраженных в словесной форме. Диалогический тип текста имеет естественный характер, а монолог искусственен.

Л.В. Щерба выделяет такие основные стороны диалогической речи, как спонтанный характер построения речевых отрезков, взаимосвязь реплик и ситуации, в которой происходит общение, а также от реплик собеседника, реплицирование, непосредственность в общении, краткость реплик.

Большой вклад по проблеме концепции диалогических отношений внес российский лингвист М.М. Бахтин. В своей работе «Проблемы речевых жанров» (1952-1953) он поднимает проблему диалогических отношений, а также анализирует высказывание, рассматривая его в качестве единицы речи.

Определяя границы высказывания, ученый во главу угла ставит смену речевых субъектов, представляющую формальный признак. С помощью данного признака выделяется начало высказывания и его конечная часть [Бахтин М.М. 2008; 440-446].

По М.М. Бахтину диалог представляет собой бытовую беседу, или научный спор, или научную дискуссию и др. Он справедливо замечает, что диалогические отношения шире отличаются разнообразием и сложностью, чем реплики отдельного диалога. Несколько высказываний, даже не расположенных рядом, но имеющие общность темы, вступают в диалогические отношения.

Интерес представляет точка зрения немецкого ученого Рольфа Клеппера, который выделяет 4 критерия, различающие монолог, диалог и полилог. Это число участвующих в акте коммуникации, пространственные связи, предмет и средства коммуникации. Причем диалог среди названной триады является точкой отсчета. Монолог характеризуется уменьшением приведенных выше параметров, а полилог – увеличением [К.А. Филиппов, 2003, 211-212].

Специфика диалога как вида текста привлекала многих ученых, точки зрения которых имеют как общие, так и отличающиеся мнения. Так, скажем Дресслер [Дресслер В., 2009, 111-137; Dressler W.U. 2008, 1-5.], давая дефиницию диалогу, уточняет, что реплики в диалоге являются зависимыми друг от друга и высказывания участников диалога составляют относительно законченное речевое сообщение.

К. Гаузенблаз разработал классификацию типов текста, в которой рассматривает диалог как речевое образование, имеющее сложную структуру. Диалог, считает он, - это, с одной стороны, единый текст, а с другой, он неоднороден и членится на речевые акты двух и более участвующих в диалоге [Гаузенблаз К., 1978, 68].

Некоторые лингвисты, как Р. Маккельдей, определяет особенности диалога через сопоставление с монологом. Он выделяет сходные свойства между диалогической и монологической речью. Это: единство референции – сообщения; лексическое единство; единство коммуникативной перспективы; временное единство; единство точки зрения, которое предполагает у участвующих в диалоге общих фоновых знаний. Так, единство референции проявляется в анафорических и катафорических отношениях. Лексическое единство также имеет свои особенности, например, в повторении в тексте обозначений описываемой реалии, повтор лексем, словоформ, заменой местоимениями и наречиями. Единство коммуникативной перспективы проявляется в выделении темы и ремы в предложениях, составляющих текст, частый эллипсис [К.А. Филиппов, 2003, 214-215].

Проблеме косвенных высказываний посвящен ряд работ, направленных на выявление их логической и лингвистической сущности. Представляется необходимым упомянуть некоторые из них, имеющие непосредственное отношение к предмету исследования. Так, J.E. Grimes в своей книге «The Thread of Discourse» и Hasan Rugaiya в работе «Text in the Systemic Functional Model» предложили для выведения косвенного значения высказывания механизм, основанный на использовании коммуникативных постулатов [Grimes J.E. 1975, 121, Hasan Rugaiya 1978, 228-247]; H. Rieser в статье «On the Development of Text Grammar», а также Kintsch W. и Dijk T. A. van в работе «Towards a Model of Text Comprehension and Production» выдвинули гипотезу о фиксировании порядка значений косвенных высказываний [H. Rieser 2010, 6-19 Kintsch W. и Dijk T. A. van 1978, 363-394]; M. Halliday and R. Hasan в книге «Cohesion in English», а вслед за ними Fr. Danes в работе «The Functional Sentence Perspective and the Organization of the Text» рассматривал эту проблему параллельно с проблемой конвенционализации [M. Halliday and Hasan, 1976, 145; Danes Fr., 1974, 106-128]; R.-A. Beaugrande., W.U Dressler в работе «Introduction to Text-Linguistics» слишком обобщив, на наш взгляд, все случаи косвенности, назвали их диомами [Beaugrande R.-A. de., Dressler W.U., 1981, 67-69].

При всем многообразии подходов к исследуемой проблеме лингвистов объединяет признание того факта, что основная задача при анализе косвенных высказываний состоит в определении их коммуникативного смысла. Косвенные высказывания, кроме своего собственного значения, имеют дополнительный коммуникативный смысл. Собственное значение предложения составляет пропозициональное содержание. С точки зрения говорящего его задачи при порождении высказывания состоят в выборе той пропозиции и той коммуникативной цели, которые отвечают его интеракционной цели предпосылкам партнера [N. Fairclough, 2003, 42-44].

Соответственно для слушающего задача заключается в распознавании этой пропозиции и цели. Возьмем пример (1):

Rufe Apley, the Carpenter: Have you another song, Mr Mac Gregory?

Mac Gregory: Have you got an egg at your house?

Rufe Apley: I sure have. I have got a dozen eggs at my house.

Mac Gregory.: Would it be convenient for you to go and get one of them?

When you return I'll play a song that will your heart lap with joy and grief [W. Saroyan, «The Human Comedy», 54-55].

«Руф Эпли, плотник: Есть ли у Вас другие песни, мистер Мак Грегори?

Мак Грегори: Есть ли у Вас яйца в доме?

Руф Эпли: Конечно, есть. У нас дома много яиц.

Мак Грегори: Не принесете ли Вы хотя бы одно? А когда Вы вернетесь, я спою песню, которая наполнит ваши сердца, и печалью и радостью».

Вопросительное по форме предложение Have you another song, Mr Mac Gregory (прямое значение M1 – запрос информации) является косвенной просьбой по коммуникативному смыслу (значение M2 – «спойте еще песню»), что подтверждается последующей репликой мистера Мак Грегори When you return I'll play a song that will your heart lap with joy and grief. Мистер Мак Грегори, преследуя свою цель, обращается с ответной просьбой, которая по форме также является косвенной: Would it be convenient for you to go and get one of them? Эта просьба является вторым тактическим шагом на пути к достижению цели; ей предшествует реплика Have you got an egg at your house?, выполняющая функцию запроса информации. Таким образом, M1 непосредственно вытекает из буквального значения предложения и обычно называется прямым, M 2 – косвенное значение предложения.

Что же такое коммуникативный процесс? Как показывает исследование это речевой акт, имеющий двусторонний характер. Так, здесь присутствуют два плана: тот, кто говорит, и тот, кто слушает. В случае, когда мы сталкиваемся с миниконтекстом, происходит речевой акт однократного обмена действиями. Образуется интерактивный блок простой по форме и содержанию. Такого типа блок включает в себя коммуникативные шаги и состоит из одного, а иногда нескольких высказываний, или их замен

(субститутов) [P. Gee. 2011, 58-59].

Если ход является элементом содержательного членения диалога, то реплика («turn») будет являться его структурной единицей, и в ряде случаев их границы не будут совпадать. Со всей очевидностью это проявляется в диалогических единствах, содержащих косвенные высказывания. Ср.: (2). Are you in a hurry? she asked. – I have nothing to do. I am entirely in your hands [W.S. Maugham, «The Circle», 76-77]. «–Вы торопитесь? – спросила она. – Я совершенно свободен, целиком в вашем распоряжении». Констатируя факт нежелания возвращаться домой, Кити косвенно просит мистера Уоддингтона побыть с ней. О том, что просьба понята правильно, свидетельствует ответ мистера Уоддингтона. Ответное высказывание является ожидаемым ответом на косвенную просьбу. Оно состоит из двух шагов: шаг 1 – I have nothing to do – является непосредственным ответом на M1 (прямое значение – запрос информации: «Вы торопитесь?»), шаг 2 – I am entirely in your hands – ответ на M2 (косвенная просьба: «Побудьте еще со мной»). Наличие в ответной реплике нескольких шагов подтверждает еще раз тот факт, что в косвенных высказываниях косвенная иллокутивная сила не является единственной [ср.: В.В. Красных 1998, 53-70]. Имплицитно присутствует и буквальное значение.

Таким образом, нельзя говорить о косвенных высказываниях как об идиомах, утративших свое первоначальное значение. Однако не вполне правильно было бы устанавливать жесткую последовательность между этими значениями. На наш взгляд, следует признать некоторый логический приоритет прямого значения. Произнося предложение This soup needs salt, говорящий просит слушающего передать соль при помощи утверждения, что суп недосолен (M1 – утверждение, M2 – просьба). Из этого следует, что M1 и M2 образуют цепочку значений, в которой M1 обладает логическим приоритетом по отношению к M2; показателем этого могут быть, как показывает материал (см. пример 2), ответные высказывания.

Представляется важным отметить, что различные по своей сути гипотезы [ср.: А.А Залевская, 2001, 43-46; О.П. Каменская 1990, 56 ; В

Карасик, 2004, С.72] согласуются в вопросе, касающемся основы сосуществования значений в косвенных высказываниях, а именно признается, что и говорящий и слушающий обладают общим фондом знаний и соблюдают принципы сотрудничества. Иными словами, чтобы обнаружить скрытый смысл высказывания, требуется не только декодировать прямое значение, но и проанализировать ситуацию и социальный опыт.

Анализ материала показывает, что в некоторых случаях, имеет место нарушение порядка следования шагов в ответной реплике. Если в примере (2) ответная реплика воспринимается как единый ожидаемый ответ, то иначе в примере (3): *You've got a very high colour, Marion, said Jane, looking at her amiably through her great round spectacles. – I dressed in a hurry. I daresay I put on too much rouge [W.S.Maugham, «The Circle», 87-89]. «У тебя прекрасный румянец, Марион», – заметила Джейн, ласково глядя сквозь очки. – «Я очень спешила, переодеваясь. Боюсь, я излишне подкрасилась».* Шаг 1 – *I dressed in a hurry* – ответ на косвенное значение, шаг 2 – *I daresay*

I put on too much rouge – реакция на прямое значение. Если шаг 1 можно причислить к ожидаемым реакциям, то шаг

2 несет дополнительную информацию.

Следует отметить, что далеко не всегда ответные высказывания содержат шаги, соответствующие всем значениям косвенных высказываний. Как показывают наблюдения, обязательным будет тот шаг, который является ответом на заключительное значение косвенных высказываний (под заключительным понимается «выведенное», косвенное значение). Например (4): *Don't you think those chairs look rather inviting? said Walter suddenly. She followed his eyes and saw two green chairs under a tree on the grass. – Let us sit in them, she said [W.S. Maugham «The Circle», 93-94]. «Не находите ли вы, что эти кресла выглядят соблазнительно? – спросил Уолтер вдруг. Проследив за его взглядом, она увидела два зеленых кресла, стоящих особняком на траве, под деревом. – Так давайте на них посидим, – сказал она».* M1 – запрос информации, M2 – косвенная просьба. Ответное высказывание отражает

только M2 (Let us sit in them выражает согласие присесть на скамью). Тем не менее, ответное высказывание имеет дело эксплицитно или имплицитно со всеми значениями косвенных высказываний. Эксплицитно это проявляется в том шаге, который репрезентирует ответ на заключительное значение, для данного случая это косвенная просьба «Давайте присядем». Однако имплицитно содержится и ответ на прямое значение – «Yes», который может быть гипотетически восстановлен. Обратную зависимость установить невозможно: ответ на M1 («Yes») не предполагает ответа на косвенное значение. Отсюда следует вывод, что M1 менее значимо.

Как правило, в тех случаях, когда ответное высказывание эксплицитно отражает только прямое значение косвенного высказывания: ср., например (5): Ruth: Norman, can we talk quietly, please? Norman: I doubt it [E.S. Gardner, «The Case of the Baited Hook», 76] «Руфь: Норман, пожалуйста, не можем ли мы говорить спокойнее? Норман: Я сомневаюсь». Или (6): May I ask what you paid for that? Moffgat asked. – Certainly, Mason observed. Moffgat waited for a further reply. – You are at liberty to ask, Mason said smiling [E.S.Gardner, «The Case of the Baited Hook», 82] «Могу ли я спросить сколько вы заплатили за это? – спросил Мофгет. – Конечно, – заметил Мэйсон. Мофгет ждал следующей реплики. – Вы имеет право спрашивать, – сказал Мэйсон, улыбаясь». Здесь мы имеем дело с намеренным нарушением принципа сотрудничества со стороны слушающего.

Таким образом, совершенно очевидно, что косвенное высказывание и реагирующее на него высказывание образуют слитное единство. Задача говорящего состоит в том, чтобы построить свое высказывание так, чтобы говорящий понял не только буквальное значение, но и скрытый косвенный смысл. Слушающий, планируя свое ответное высказывание, должен учитывать следующие моменты:

1) Множественность значений в косвенных высказываниях. Соответственно, ответное высказывание должно состоять из нескольких шагов.

2) Логический приоритет буквального значения. Реакция на прямое значение обычно опережает реакцию на косвенное.

3) Значимость значений в косвенных высказываниях. Обязательным будет тот шаг, который является ответом на заключительное значение косвенного высказывания. В тех случаях, когда ответное высказывание эксплицитно отражает только прямое значение, мы имеем дело с намеренным нарушением принципа сотрудничества со стороны слушающего.

3.2. Основные характеристики косвенных высказываний в диалогическом единстве

Если диалог состоит из реплик двух участников, то диалогическое единство представляет собой минимальный отрезок и является основой для анализа текста. Причем это речевые действия, тесно связанные между собой. В то же время они образуют сложный акт речи, составляющие интерактивное действие. Для блока коммуникативно-прагматического типа речевых действий простым видом является диалогическое единство.

Таким образом, можно сказать, что диалогическое единство – это единство стимулирующей и реактивной реплик, т.е. обязательное единство минимум двух реплик, которые рассматриваются как наименьшие смысловые и структурные единицы диалога. Сравним показательные примеры диалогического единства:

1) 'Everything under control?' she asked.

'Clicking like clockwork'[E.S.Gardner, «The Case of the Baited Hook», 23]

– Все в порядке? – спросила Делла.

– Все идет как по маслу.

2) 'Do they like one another?' 'On the contrary.'[E.S.Gardner, «The Case of the Baited Hook», 24]

– Они нравятся друг другу?

– Совсем наоборот.

3) 'How do you tie a can to Bradley?' 'You'll see,' said Dunphy. [J.O'Hara, «Waiting for Winter», 56]

– Как вы собираетесь избавиться от Брэдли?

– Скоро сами увидите, - ответил Данфи.

4) 'What a fellow you are, Sylvanus; you don't seem capable of taking anything seriously.' 'Care killed the cat!' [J.Galsworthy, «Caravan», 34].

– Что вы за человек, Сильванус; вы, кажется, ни к чему не можете относиться серьезно.

– Заботы хоть кого в могилу вгонят.

В ходе рассмотрения блоков реплик выяснилось, что одни из них состоят из однотипных речевых действий, а другие из разнородных. Мы предлагаем понимать в качестве однородных блоков реплики, представляющие собой коммуникативно-прагматический тип, состоящие из взаимосвязанных высказываний одного прагматического типа. Наиболее употребительны в тексте последовательности констативного типа, составляющие в среднем 85,6 % от числа всех зарегистрированных однородных блоков. Согласно наблюдениям, блоки реплик констативного типа подразделяются на две группы одновершинные и двухвершинные.

Направление функции общения ориентируется на речевые акты в диалоге и сосредотачивается на будущее высказывание, если это так называемое инициативное высказывание, и будет ориентироваться на предыдущее речевое действие, если это ответное высказывание. В случае продолжающегося высказывания ориентировка будет опираться на оба высказывания.

Следует подчеркнуть, что намерение участвующего в диалоге собеседника с точки зрения коммуникации определяет направление интенции. Известно, что структура речи, ее порождение состоит из этапов, которые характеризуются последовательностью и сменяют один другого. Это интенция, мотив, внутреннее программирование, а также реализация [Зелинская Н.В., 2000, 82-93].

В тексте выраженные коммуникативные смыслы связаны с коммуникативным намерением говорящего, которое имеет наименование речевой интенции. Речевые интенции связаны со следующими этапами: намерение – смысл – текст/высказывание. Таким образом, текст при коммуникации с характерными для него коннотативной стороной, скрытым подтекстом, с оценкой адресанта, реакцией адресата представляет объект с данной позиции. Речевые интенции называют, например, одобрение/неодобрение, сомнение, возражение, согласие/несогласие, упрек, обещание, просьбу, предостережение, сочувствие, похвалу, благодарность и т.п.

С грамматической точки зрения они являются отглагольными существительными.

Необходимо различать речевые интенции, как результат ситуативного контекста, и языковые интенции, т.е. следует разграничивать интенциональный смысл и интенциональную семантику высказывания. Ср. две речевые ситуации:

1) The English people will come tomorrow.

2) Let's go to the cinema tomorrow. – The English people will come tomorrow.

В первом высказывании вне контекста не проявляется интенция, связанная с отказом. Но в диалогическом единстве, представленным во втором примере, интенция отказа содержится в ответной реплике. Первая реплика в диалогическом единстве несет информацию приглашения сделать совместное действие. Вторая реплика подвергается компрессии и в развернутом варианте предполагает следующее: Я работаю с приезжающими завтра англичанами и не смогу пойти с тобой в кино, так как буду занята. Ответная часть реплик в диалогическом единстве несет в себе интенциональный смысл отказа. Здесь проявляется принцип экономии средств языка. Опора на интенциональные смыслы поможет при изучении иностранных языков в нашем случае – английского.

Ответная реплика собеседника, участвующего в диалоге, может согласовываться с предыдущей репликой, иными словами она либо соответствует реакции собеседника, либо вступает в противоречие.

Если наблюдается соответствие коммуникативно-прагматических функций интенций, то они сходны и разнонаправлены (предыдущая направлена на последующую и наоборот). Если же наблюдается несоответствие воздействия, то мы имеем дело с контрадикторными функциями, но также разнонаправленными. Тогда мы сталкиваемся с двухвершинным, по словам В.З. Демьянкова двухполюсным действием, которое представляет сложный акт речи [В.З. Демьянков, 2006, 223].

Диалогические действия двухвершинного типа представляют речевые обмены сконструированные по модели statement - reply [Grimes J.E. 1975; 21-23], в которой statement - это референт любого ответного высказывания. Последовательность речевых действий, конституирующих диалогическое действие, также необходимо рассматривать как двухвершинную, или двухголосую (пользуясь термином М.М. Бахтина), которая может быть как унисонной, так и контрадикторной [М.М. Бахтин, 2008, 442].

В блоках коммуникативно-прагматических типов реплик наряду с разнонаправленными, вернее противоположно направленными, наблюдается также объединение высказывании, когда прагматические интенции партнеров по коммуникации совпадают, т. е. коммуниканты выступают в одной и той же роли, например, инициатора ответной реакции, иллюстрацией чего служит приводимая ниже последовательность реплик:

1) Spinster: Like many other young American girls of that day and this, my Granmother went to Europe.	Сообщение	Констативная
Old woman: The year she was going to be presented to society. [Williams, 2006, 242]	Сообщение (подхват)	
2) 'He's keeping you waiting, isn't he?'	Сообщение	Констативная
'Well, I'd rather wait for him than have you wait for me. Put that in your pipe and smoke it' [W.S. Maugham, 'Of Human Bondage', 58]	Сообщение (подхват)	

3) '... I've given her the order to get out next Tuesday and that's all I can do' [Collins V.H. A Book of English Idioms, 2005, 69].	Сообщение	Констативная
'I wanted to ask you if you couldn't stretch a point and let her stay here till the boat comes in from San Francisco...' [W.S. Maugham, 'Complete Short Stories', 199]	Сообщение (подхват)	

В примерах, оба персонажа выступают в одной и той же коммуникативной роли рассказчика, и, следовательно, их высказывания произносятся в рамках одного и того же «хода». Последовательность коммуникативно-прагматических типов высказываний в таком случае представляет собой одновершинное (или однополюсное) действие, и соответствующую ему последовательность можно также назвать одновершинной.

Примером двухвершинной последовательности служат такие обмены речевыми действиями, как сообщение - сообщение, где второй член либо согласуется, либо противоречит интенции иницирующего сообщения, соответственно выполняя функции согласия или возражения. Последовательности, где коммуникативно-прагматические типы высказываний объединены функциональной связью согласования, составляют 32,4 %• Сущность этой связи, как представляется, состоит в том, что коммуникативная интенция, с которой произнесено второе высказывание в диалогическом единстве, отвечает коммуникативному намерению, с которым произносилось первое, что свидетельствует о достижении посредством предпринятого речевого действия искомой трансформации системы знаний партнера. Так, если сознательными целями речевых действий констативного типа считать желание говорящего сообщить слушающему некоторую информацию с тем, чтобы передать ему опыт, относительно которого им могут адекватно планироваться и будущая интеракция и условия ее успешности; получить оценку слушающим своего речевого акта и самого себя [Dijk, 1975, 43-44], то при понимании и заинтересованности реакцией на сообщение, утверждение или описание

может быть ответное сообщение, интенция которого состоит в информировании партнера о том, какое воздействие оказал на него речевой акт, согласен ли он с сообщаемым, принял ли к сведению то, что ему сказано, или возражает.

В случае, когда цель констативного высказывания состояла в том, чтобы сообщить свое мнение и узнать оценку его, ответное утверждение может свидетельствовать о достижении этой цели. Например:

1) Madam: Convention is anathema to Пит and there is no sin like conformity. Even a collar is an offence against their liberty, and a discipline not to be borne by free necks.	Сообщение	Констативная
Corporal: Ah yes, madam A little more discipline among your nephew's generation, and might not be occupying your country today.	Сообщение (согласие)	
2) We can't expect them to keep to the rules of evidence, can we?' said Dawson-Hill. [C.P.Snow, 'The Affair', 26]	Сообщение	Констативная
'That won't happen', I said.	Сообщение (согласие)	
'We'd better tell them, when something wouldn't be evidence in court. Agreed?' I nodded.	Сообщение	
'Apart from that, it'll have to be catch as catch can. Agreed?'	Сообщение (согласие)	

Намерение, с которым произносится ответное высказывание, отражает оказанное предшествующим речевым актом воздействие и согласуется с его интенцией, вследствие чего функциональная связь между членами последовательности получает название согласования или согласия, а вся последовательность вследствие своей однородности может считаться блоком констативного типа.

Другой разновидностью функциональной взаимосвязи прагматических типов высказываний в диалогическом блоке является связь, при которой иллокутивная сила инициирующего высказывания не совпадает с последствием соответствующего ей речевого действия, представленного в иллокутивной силе второго члена блока. С тем чтобы пояснить это, рассмотрим следующий пример:

	СКФ	ИКФ
1) Matron: ... I think that was foolish of her.	Сообщение	Констативная
Spinster: You don't understand. When a life is completed, it ought to be put away ... [Cowie A.P. e.a. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English, 2013, 203]	Утверждение (возражение)	
2) Queen: Come hither, my good Hamlet, sit by me.	Сообщение	Констативная
Hamlet: No, good mother, here's metal more attractive...(Lying down at Ophelia's feet.)	Утверждение (возражение)	
3) 'Now tell me about this Festival business'.	Сообщение	Констативная
'It's not really my pigeon', said Bilst...	Утверждение (возражение)	

Для интерпретации этой последовательности обратимся к N.Fairclough, согласно взглядам которого прагматическое значение высказывания-сообщения или утверждения состоит в том, что, произнося его, говорящий имеет целью то, что слушающий воспримет сообщаемое как действительное положение дел и, благодаря тому, что в истинность сказанного верит говорящий, в это поверит и слушающий [N.Fairclough., 2003, 76-77].

В принципе те же мысли прослеживаются и в условиях успешности ассертивных речевых актов в концепции Дж. Серла [Дж. Серль, 1986, 46-47]. Из этого следует, что естественной реакцией на сообщение или утверждение должно бы быть: подтверждение, согласие, т.е. в рассматриваемом примере адресант должен был бы считать, что Мэтрон поступила глупо. В таком

случае речевое действие сообщения было бы успешно. Кроме этого, подтверждение, или согласие являются нормативными ответными действиями на речевой акт утверждения или сообщения, ведь последовательности ходов в диалоге «регулируются множеством специфических конвенций, которые являются в силу того, что их выполнение взаимно ожидается участниками диалога, также нормами» [S.J. Schmidt, 2008, 12-13].

Однако в приведенном примере интенция второго высказывания не соответствует желаемой и ожидаемой нормативной реакции, не согласуется с последствием речевого действия утверждения. Функция этого высказывания состоит в возражении. Блок коммуникативно-прагматических типов реплик в таком случае предлагается характеризовать как однородный, двухвершинный, контрадикторный. Прагматический тип блока, благодаря однородности составляющих его частей, следует, очевидно, считать констативным. Такие блоки с контрадикторной функциональной связью членов составляют 26,7 %. Кроме высказываний, выступающих в роли отказа от сотрудничества, указывающих на неправомерность или на нерелевантность сообщаемого, как например, в высказываниях *I know it; It doesn't matter; It's out of my business*, в отношениях контрадикторности вступают речевые действия в последовательности, где вторая реплика корректирует акт номинации, предпринимаемый говорящим в предыдущей реплике [Бяшимова Л.Б., 1989, 16].

Функциональная связь высказываний, объединенных в монологе и в диалоге, прослеживается на уровне как семантики, так и прагматики. Эта мысль прослеживается в работах Л.С. Бархударова «Текст как единица языка и единица перевода» [Л.С. Бархударов, 1974, 40-41] в терминах модально-диктального подхода к диалогу, И. Беллерт в работе «Об одном условии связности текста» [И. Беллерт, 1978, 172-207].

Причем в диалоге речеактовое взаимодействие высказываний выделяется сильнее, чем в монологе, в связи с тем, что ответное

высказывание опирается на речевой акт и интенцию, с которой произнесено высказывание. Они сравнительно независимы от его конкретного содержания. Так, например, характерные последовательности однотипных высказываний констативного типа утверждение – согласие, утверждение – подтверждение, сообщение – возражение или отрицание основаны, как было показано выше, на взаимодействии интенции говорящего и слушающего. Необходимо также отметить, что это взаимодействие предполагает их тематическое единство, демонстрируемое всеми приведенными выше примерами. Тем самым тезис Н.С. Бабенко, [Н.С. Бабенко, 1999, 50-53] и [Ю.В. Ванникова, 1984, 41-52] о том, что не новой прагматической связности является семантическое единство, справедлив и для межрепликового блока. Если отсутствует проявление структурной или семантической связи, то наличие прагматической связи все равно объединит высказывания в целостную последовательность – диалогический блок. В однородных диалогических блоках констативных высказываний нередко функциональная взаимосвязь проявляется только на семантическом уровне, указывая на взаимодействие пропозиционального содержания реплик, при этом, их интенциональное взаимодействие остается нереализованным, имплицитно находится в пресуппозиции. Разнонаправленность интенций в однородных диалогических блоках, где посредством второго высказывания детализируется или обобщается содержание первой реплики, как представляется, несколько сглаживается, не выступает со всей очевидностью, как в диалогическом блоке утверждение подтверждение, второй член которого является не только реактивным, но и конвенционально закрепленным, ожидаемым.

Обобщая сказанное о констативных блоках реплик, следует еще раз отметить, что в двухвершинном блоке функциональная связь отражает процесс взаимодействия коммуникативных интенций участников диалога, выполняющих разные коммуникативные роли, в одновершинном блоке их коммуникативные роли совпадают. Все разновидности прагматических

связей реплик объединяются в следующие группы отношений: согласование, контрадикция, часть целое, причина следствие, причем по количественным характеристикам первые две группы стоят на первом месте.

3.3. Соотношение устно-разговорного и письменно-разговорного текста

Как известно, текст – это произведение речи, устной или письменной. Значительный интерес представляет соотношение реально высказанного устно-разговорного текста и его репродукции в литературе. Под устно-разговорным текстом (УРТ) понимается отрезок устной непринужденной спонтанной речи. Письменно разговорный текст (ПРТ) – отрезок письменной речи имеющий окраску разговорности. Последняя определяется экстралингвистическими факторами – непринужденностью неофициальностью общения и др. – но обнаруживается в определенном наборе лингвистических свойств. ПРТ может функционировать как в нехудожественной сфере, например, в дружеском письме, так и в художественной сфере, главным образом, в диалоге драмы и прозы.

Рассмотрим некоторые вопросы трансформации УРТ в ПРТ в художественной литературе. Языковеды неоднократно отмечали, что ПРТ в литературе значительно отличается от УРТ, Так, И.Р. Гальперин писал: "Устная речь в литературе характеризуется сигналами, своеобразными знаками, а не сплошной материей говорения". На стилизацию разговорной речи в литературе указывали И.Р. Гальперин, Р.А. Будагов, Н.А. Слюсарева и др. Вместе с тем, исследователи подчеркивают, что, несмотря на художественную обработку, ПРТ в литературе верно отражает основные лингвистические черты репродуцируемого УРТ [Слюсарева Н.А., 1982, 57].

Наиболее полно вопрос этот рассмотрен в монографии К. Кожевниковой «Спонтанная устная речь в эпической прозе». – Прага, 2007 - 126 с.»

1. Механизм трансформации УРТ в ПРТ раскрывается при рассмотрении репродуктивного приема, т.е. воспроизведения устного

высказывания в литературе. К. Кожевникова отмечает различие между обоими типами текстов в плане содержания, в языковом выражении и в отношении к стилистическим средствам. В частности, в литературном диалоге происходит коммуникативная концентрация, подвергается элиминации все то, что могло бы замедлить действие вперед. Различие плана выражения естественной модели, и его художественного эквивалента сводится, главным образом, к количественной стороне. В целях более яркой индивидуализации речевых характеристик обычно гиперболизирован принцип стилистической организации высказывания [Кожевникова К., 1999, 49-67; Кожевникова К., 2007, 42].

В работе А.П. Журавлева отмечается различие в некоторых параметрах обоих видов текста, например, в частности, структурно-семантических типов диалогических реплик УРТ и ПРТ [Журавлев А.П., 2010, 62-73.]. Важное значение для сопоставления обоих типов текста имеет работа «Аспекты общей и частной лингвистической теории текста» под ред. Н.А. Слюсаревой [1982], где выявляется, что при трансформации УРТ ликвидируются такие стороны как беспорядочный характер в строении, излишние повторы, а также неграмматичность

Для более наглядного сопоставления УРТ и ПРТ сравним запись естественного устного высказывания и художественную репродукцию разговорной речи (речь Эндру Мэнсона в романе Кронины "Цитадель" Cronin A. J. The Citadel):

1. He – seemed of course he had that kind of er I I'm er I I er I I er er are you northern by any chance I was going to say that kind of northern-er-scepticism or at least questioning mind – –which er – but of course he would mislead you with that he er he gave you the impression that he only er you know he gave you the impression that he was sceptical and at times sceptical and nothing else – – but I er – I think he appreciated the course you know – from one or two things he said when I bumped into him [Quirk R., 2005, 181-182].

2. "You see, Chris, ... we've got to keep calm. It's not as if we were – oh well – ordinary people. After all you're a doctor's wife and I'm a doctor. I've seen this happen hundreds, at least scores of times before. It's a very ordinary affaire. A phenomenon of nature, survival of the race, all that sort of thing, see: Now you don't misunderstand me, darling, it's wonderful for us, of course. The fact is I'd begun to ask myself if you weren't too slight, too much of a kid ever- oh, well, I'm delighted. But we're not going to get sentimental. Slushy, I mean. No, no: Let's leave that sort of thing to Mr. and Mrs. Smith. It would be rather idiotic, wouldn't it, for me, a doctor, to start – oh, say to start mooning over those little things you're knitting or crocheting, or whatever it is. No: I just look at them and grunt: Hope they'll be warm enough [A.J.Cronin. The Citadel, Book II, 12].

Итак, первый отрывок – запись живой спонтанной речи, т.е. УРТ, Второй отрывок – художественная репродукция разговорной речи, иначе говоря, ПРТ. Оба текста могут быть сопоставлены, так как они имеют некоторые общие черты: 1) оба монологические куски диалогической формы разговорной речи, 2) речь обоих говорящих развертывается в процессе высказывания (разумеется, во втором отрывке это стилизация), 3) оба текста отражают литературно-разговорный язык образованных англичан XXв (речь Эндру более непринужденна, так как это отрывок из диалога супругов).

Рассмотрим особенности обоих текстов.

В УРТ бросается в глаза шероховатость речи – запинки, звуки, заполняющие паузы (в записи переданы как *er*), многократные повторения, особенно местоимения *I*, незаконченные слова и предложения, перестройка конструкции на ходу, отступления. Окраска разговорности выражена также через стяжение *I'm* и разговорные обороты: *of course, you know, I was going to say.*

Из других лексических коллоквиализмов следует отменить глагольное сочетание *to bump into* «столкнуться, встретиться».

Сравнительно незначительное число лексических коллоквиализмов объясняется, по-видимому, (помимо краткости отрывка), недостаточно

близкими отношениями говорящих, а также относительно отвлеченной тематикой речи.

ПРТ также содержит ряд строевых признаков разговорного синтаксиса – эллипс, присоединение, разделительный вопрос, вводные слова и обороты, например: well, say, see, you see, I mean, of course, the fact is, after all. Есть незаконченное предложение, паузы и повторы, например, I'm-I'm; to start-oh, say to start... Несколько раз встречается междометие довольно часто – стяжения (I'm, we've, we're, it's, they'll).

В ПРТ гораздо больше слов и оборотов с разговорной окраской – slushy, to moon, darling, kid, affair, just, sort of, all that sort of thing, or whatever it is, we've got to.

Итак, в ПРТ сохранены основные строевые, типические черты УРТ. В ряде случаев они даны в большей концентрации (особенно лексико-фразеологические коллоквиализмы).

Вместе с тем, в ПРТ гораздо меньше повторений, пауз и "шумов", запинок, отступлений, перестроек грамматических конструкций, незаконченных предложений; нет незаконченных слов.

Иными словами, в процессе художественной трансформации УРТ в ПРТ сохраняются основные языковые элементы и стилистические черты первого, однако из него устраняются или «сглаживаются» некоторые явления спонтанной речи.

В этой связи А. Гордон справедливо заметил:

But it would be a mistake to regard writing which is oral in conception as only a transcript of the spoken voice. Good prose of this type preserves the rythm and shape of speech. It discards the garrulity, the loose ends, the amorphous form, the back-tracking and repetitions characteristic of most speakers.

Выводы по 3 главе

1. Диалогическое единство – это объединение стимулирующей и ответной реплик, т.е. обязательное единство минимум двух реплик. Они

рассматриваются как минимальные единицы диалога в смысловом и структурном отношении.

2. При анализе блоков реплик выявлены блоки, состоящие из однотипных речевых действий, и блоки - из разнородных речевых действий.

3. Под однородным блоком коммуникативно-прагматических типов реплик мы понимаем связную последовательность высказываний, принадлежащих к одному и тому же прагматическому типу. Наиболее употребительны в тексте последовательности констативного типа.

4. Выделяются 4 критерия, различающие монолог, диалог и полилог: 1) число участвующих в акте коммуникации, 2) пространственные связи, 3) предмет и 4) средства коммуникации.

5. Первоочередной задачей при изучении косвенных высказываний является определение их коммуникативного смысла. Косвенные высказывания, кроме собственного значения, обладают дополнительным коммуникативным смыслом.

6. Чтобы понять скрытый смысл высказывания, необходимо не только расшифровать прямое значение, но и провести анализ ситуации и иметь определенный социальный опыт.

7. Под однородными блоками понимаются реплики, представляющие собой коммуникативно-прагматический тип, состоящие из взаимосвязанных высказываний.

8. В тексте выраженные коммуникативные смыслы связаны с коммуникативным намерением говорящего, которое имеет наименование речевой интенции. Речевые интенции связаны со следующими этапами: намерение – смысл – текст/высказывание. Речевые интенции называют: одобрение/неодобрение, сомнение, возражение, согласие/несогласие, обещание, просьбу, предостережение, сочувствие и др.

9. При соответствии коммуникативно-прагматических функций интенций, они характеризуются сходством и являются разнонаправленными (предыдущая направлена на последующую и наоборот).

10. При несоответствии воздействия, мы имеем дело с контрадикторными функциями, но также разнонаправленными, и двухвершинным действием, которое представляет сложный акт речи.

11. Диалогические действия двухвершинного типа представляют речевые обмены, сконструированные по модели statement – reply, в которой statement- это референт любого ответного высказывания.

12. Трансформация УРТ в литературе по-разному затрагивает различные стороны живой речи. Более свободным оказывается писатель в стилизации плана содержания – в выборе тем разговоров, субъективных позиций говорящих. В плане выражения писатель более ограничен и должен сознательно или подсознательно следовать основным нормам литературно-разговорного языка своего времени. При стилистической репродукции плана выражения некоторые особенности УРТ сознательно устраняются или приглушаются. Несмотря на художественную трансформацию основные строевые черты УРТ – это грамматические, лексико-фразеологические, стилистические особенности – в целом верно отражены в ПРТ реалистической литературы;

13. Степень соответствия устно-разговорной речи, ее художественной репродукции в литературе – величина не постоянная и не совпадает в различные исторические периоды; в пределах одного и того же периода она отличается у различных писателей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современном языкознании не ослабевает интерес к такому важному направлению как лингвистика текста, появившемуся в 60-70 гг. XX в. Большое число исследований посвящено таким когезийным приемам, как повтор – рекурренция (полная или частичная), субституция отдельных элементов в составе предложений, эллипсис, т. е. пропуск элемента высказывания, который можно легко восстановить в тексте, порядок слов, временные формы глагола, сочинительные средства связи. В данной области работали И.А. Фигуровский, Зелиг Харрис, Т.А. ван Дейк, В. Кинч, Р.А., И.Р. Гальперин, О.И. Москальская, D.U Ashurova и др.

Изучались параметры, связанных с текстуальностью, под которой понимается совокупность признаков, свойственных тексту. Это когезия; когерентность (сцепление, связь, охватывающая когнитивные содержательные взаимосвязи в тексте); интенциональность (стремление создателя текста образовать связный текст); воспринимаемость (связана с ожиданием получения связного текста и уместностью применения используемых средств языка); информативность; ситуативность (текст отражает ситуацию, в которой он создается и применяется); интертекстуальность (соотнесение текста с другими текстами) [R.-A. Beaugrande, W.U. Dressler, H. Rieser].

Выделяют грамматическую когерентность (проявляющуюся на грамматическом уровне между предложениями); тематическую когерентность (проявляющуюся между предложениями на тематическом уровне); прагматическая когерентность (между речевыми действиями в процессе применения на практике).

Типология текстов предполагает два подхода:

а) так называемый подход «снизу», т.е. от предложения к способам сочетания предложений

б) так называемый подход «сверху», т.е. рассмотрение текста как лингвистической данности, проявляющейся в разнообразии реально существующих текстов.

Типология текстов должна отразить как коммуникативный аспект, так и структурно-семиотический аспект текстов.

Выделяются тексты индивидуальные и коллективные, естественные и искусственные, моноадресатные и полиадресатные, монокодовые и поликодовые, художественные и нехудожественные.

При анализе структуры текста выделяются тексты, отмеченные и неотмеченные, полные и неполные, клишированные и неклишированные, микро - и макротексты. Границы, т. е. объем текста, определяются, как в широком, так и в узком понимании. Так, например, О.И. Москальская считает, что в широком смысле текст – это целое речевое произведение, определяя его, как макротекст. В узком понимании текст представляет собой сложное синтаксическое целое, т. е. микротекст [Москальская О. И., 1981, 42].

В семантическом плане выделяются тексты моносемантические и полисемантические.

В разграничении классов текста большую роль играет соотнесение типа текста с функцией, которую он выполняет. Так, если текст выполняет функцию регламентации, то это нормативный тип текста; когда функция текста направлена на поддержание контакта, то это контактный тип текста; если функция текста – выражение художественной позиции автора, то это поэтический тип.

Функциональная перспектива текста определяется в двух аспектах; а) актуальное членение каждого предложения, б) актуальное членение текста в целом. Актуальное членение текста в целом целью своей имеет определение коммуникативного центра сложного синтаксического целого, который является его ремой и не членится на тему-рему.

Так как форма и содержание взаимосвязаны, то сложное синтаксическое целое в структурном отношении представляет собой микротекст, в котором проявляются формальные сигналы связи между его частями.

В сложном синтаксическом целом действует связь, которая проявляется в лексических, лексико-грамматических и формальных типах связи.

Представление связей предложения в тексте через устойчивые признаки его структуры делает возможным постановку вопроса о дистрибуции, т. е. распределении предложений в сверхфразовых единствах и, как следствие этого, о выделении классов предложений на основании возможностей их сочетаемости [Б.А. Маслов, 2004, 187-190].

Описание таких дистрибутивных классов и сопоставление его с деривационными классами предложений (типами их внутренней структуры) может стать тем вкладом, который лингвистика текста способна внести, в теорию предложения.

В основу нашей работы положены общетеоретические положения об изоморфном характере языковой системы и о функциональной детерминированности субстанциональных, онтологических свойств языкового знака. На основе данных положений формулируются следующие выводы: 1) функциональная природа загадки, как определенного вида текста, детерминирует субстанциональные, онтологические свойства самого текста загадки; 2) процесс номинации текстом загадки изоморфен в гносеологическом, отражательном плане процессу номинации словом, предложением.

Рассмотрение загадки, как текстовой категории, позволяет раскрыть такие важные лингвистические проблемы:

- 1) онтологические свойства связного текста,
- 2) системность,
- 3) типология текстов.

Важным представляется рассмотрение номинации текста загадки через понятия денотата, референта, сигнификата.

Осуществлено описание приема сокрытия предмета загадки через особенности ее текста.

В работе представляется понятие о многослойном характере текстового уровня, что доказывает общетеоретическое положение о системности текста и об его изоморфическом строении.

Сделан вывод о категориальной определенности номинации в тексте загадки – категории текстовой номинации – и анализ механизма ее формирования на всех уровнях текста.

Текст загадки предполагает как адресанта, так и адресата. Он состоит из двух стадий:

1. Загадывающий (адресант) Текст загадки Отгадывающий (адресат).

2. Отгадывающий (адресант) Разгадка Загадывающий (адресат).

Текст загадки включает омонимы и многозначные слова. Таким образом, используется каламбур – игра слов. Каламбур, как известно, опирается на явление полисемии и омонимии с применением повтора.

Функциональная направленность загадки на обозначение детерминирует номинативное свойство самого текста загадки. Номинация текстом загадки изоморфна в гносеологическом плане лексической и пропозитивной номинациям, что подтверждает мысль о номинации как о языковой категории. Номинация в тексте загадки имеет категориальную определенность – категорию текстовой номинации.

Опора на изыскания лингвистов в области структурных и типологических особенностей фольклора позволила проанализировать сказку, как вид текста, с особым вниманием к сцеплению, являющемуся одним из ведущих приемов обеспечивающих целостность текста.

Сцепление рассматривается в трудах многих лингвистов, но трактуется ими по-разному. Так, американский лингвист С. Левин считает, что

сцепление представляет собой наличие «эквивалентных элементов в эквивалентных позициях контекста, понимая под позицией место в речевой (синтагматической) цепи, где возможна та или иная замена» [S. Levin, 1962, 56]. В то же время И.В. Арнольд рассматривает сцепление как сходство элементов в сходных позициях, сообщающее целостность всему тексту или отдельным частям его и подчёркивающее важные смыслы [И.В. Арнольд, 1974, 64; И.В. Арнольд, 1990, 24].

В нашем исследовании был рассмотрен параллелизм, под которым понимается тождественность синтаксической структуры двух или нескольких следующих друг за другом предложений.

Известно, что в сказке, как особом виде текста, наличествует начало в виде сказочного клише «Once on a time», употребление неопределенного артикля с целью демонстрации неопределенного указания времени.

Большинство предложений данного типа текста имеют общий семантический компонент, а также тождественные элементы.

В работе рассмотрены случаи употребления в эквивалентных позициях слов, которые являются эквонимами. Отношения эквонимии – это отношения понятий и имен одной предметной области и одного уровня обобщения. Зачастую они связаны с родо-видовыми (или гипо-гиперонимическими) отношениями, а между собой - эквонимическими.

Сказка, как особая разновидность текста, содержит сцепление семантически эквивалентных элементов, в результате чего у рассмотренных слов появляются новые коннотации.

В исследовании анализируется диалог, который представляет собой особый вид текста. Академик Л.В. Щерба четко разграничивал монолог и диалог, отдавая предпочтение последнему. Диалогический тип текста состоит из целой цепочки реплик и имеет естественный характер, а монолог искусственен и представляет систему мыслей, выраженных в словесной форме.

В случае, когда мы сталкиваемся с миниконтекстом, происходит речевой акт однократного обмена действиями. Образуется интерактивный блок простой по форме и содержанию. Такого типа блок включает в себя коммуникативные шаги и состоит из одного, а иногда нескольких высказываний, или их замен (субститутов).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Обращение Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева к Олий Мажлису Узбекистан от 22 декабря 2017 года // Народное слово, 23 декабря 2017 года. № 258 (6952)
2. Адмони В.Г. Грамматика и текст // Вопросы языкознания. – М., 1985. – № 1. – С. 63-69.
3. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. – СПб., 1994. – 67 с.
4. Акишина А.А. Структура целого текста. М., 2009. Вып. 1-2. – С. 56-61
5. Арнольд И.В. Стилистика декодирования. Курс лекций. – Л., 1974. – 64 с.
6. Арнольд И.В. Интерпретация художественного текста: типы выдвигания и проблема экспрессивности // Экспрессивные средства английского языка. – Л., 1985. – С.65-71.
7. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – М.: Просвещение, 1990. – 201 с.
8. Бабенко Н.С. Жанровая типологизация текстов как лингвистическая проблема // Филология и культура. – Тамбов, 1999. – Ч. 3. – С. 50-53.
9. Барт Р. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 2012. – Вып. 8: Лингвистика текста. – С. 422-449.
10. Бархударов Л.С. Текст как единица языка и единица перевода // Лингвистика текста: Материалы научн. конф. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. – М., 1974. – Ч. 1. – С. 40-51.
11. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи / Сост. С. Бочаров и В. Кожин. – М., 2008. – С. 440-446.

12. Беллерт И. Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – Вып. 8: Лингвистика текста. – С. 172-207.
13. Бяшимова Л.Б. Лингвистический статус загадки и ее номинативные характеристики в английском языке. – М., 1989. – 148 с.
14. Ванников Ю.В. К обоснованию общей типологии текстов, функционирующих в сфере научно-технического перевода // Текст как объект лингвистического анализа и перевода. – М., 1984. – С.15-26.
15. Ванников Ю.В. Начальная субкатегоризация научно-технических и официально-деловых текстов // Семантика текста и проблемы перевода. – М., 1984. – С. 41-52.
16. Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов. – М., 1995. – 297 с.
17. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М., 1964. – 142 с.
18. Гак В.Г. О семантической организации повествовательного текста // Лингвистика текста. – М., 1976. – Вып. 103. – С. 5-14.
19. Гак В.Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – № 3. М., 1997. – С. 87-95.
20. Гальперин И.Р. Грамматические категории текста // Известия АН. Серия лит. и яз. – М., 1977. – Т. 36, № 6. – С. 522-532.
21. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. – 296 с.
22. Гаузенблаз К. О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Т. М.Николаевой. – М., 1978. – С. 67-73.
23. Герман И.А. Концептуальная система как среда обитания текста // Содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 2000. – С. 59-60.

24. Гиндин С.И. Онтологическое единство текста и виды внутритекстовой организации // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – М., 2007. – С. 114-135.

25. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. 23. – С. 153-207.

26. Демьяненко М.Я., Лазаренко К.А. Дифференциация текстов по формам общения // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. – Киев, 2011. – С. 123-139.

27. Демьянков В.З. «Теория речевых актов» в контексте современной зарубежной литературы: Обзор направлений // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 2006. – С. 223-234.

28. Дресслер В. Введение в лингвистику текста // Проблемы теории текста: Реферативный сборник. – М., 2008. – С. 55-73.

29. Дресслер В. Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 2009. – Вып. 8. – С. 111-137.

30. Дридзе Т.М. Интерпретационные характеристики и классификация текстов // Смысловое восприятие речевого сообщения (В условиях массовой коммуникации). – М., 2006. – С. 34-45.

31. Жирмунский В.М. К вопросу о международных сказочных сюжетах // Историко-филологические исследования. – М., 1967. – С.34-42.

32. Журавлев А.П. О некоторых отличиях живой разговорной речи от стилизованной // Устная разговорная речь – Саратов, 2010. – С. 62-73.

33. Залевская А.А. Текст и его понимание. – Тверь, 2001. – 123 с.

34. Звегинцев В.А. О цельноформленности единиц текста // Известия АН. Серия лит. и яз. М., 1980. – № 1. – С. 13-21.

35. Зелинская Н.В. Научный текст как средство формирования когнитивно-эстетической картины мира // Языковое сознание. Содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 2000. – С. 82-93.

36. Зиндер Л.Р. Лингвистика текста и фонология // Тезисы докладов научно-методической конференции «Просодия текста». – М. – 7-9 декабря 1982. – М., 1982. – С. 19-22.
37. Иртеньева Н.Ф. Классификация текстов по их отношению к действительности // Текст, структура и семантика. – Пятигорск, 1981. – С. 3-12.
38. Каменская О.П. Текст и коммуникация. – М., 1990. – 128 с.
39. Карасик В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 142 с.
40. Кожевникова К. Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста. – М., 1999. – С. 49-67.
41. Кожевникова К. Спонтанная устная речь в эпической прозе. – Прага, 2007 – 126 с.
42. Кононенко Е.Т. Ритмико-синтаксическая структура художественной прозы. – Л., 1983. – 146 с.
43. Красных В.В. От концепта к тексту и обратно // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. М., 1998. – № 1. – С. 53-70.
44. Крылова О.А., Ремчукова Е.Н. Вариативность грамматических форм как источник текстовой экспрессии // Филологические науки. – № 2. М., 2001. – С. 57-64.
45. Кудрявцева Т.С. К проблеме функциональной типологии текстов (на материале учебных текстов) // Семантика текста и проблемы перевода. – М., 2004. – С. 71-78.
46. Кузнец М.Д., Скребнев Ю.М. Стилистика английского языка. – СПб, 2007. – 162 с.
47. Леви-Стросс К. Структура мифов // Филологические науки, №. 7 – М, 1970. – С. 58-69.
48. Леонтьев А.А. Признаки связности и цельности текста // Лингвистика текста. – М., 1996. – С. 60-70.

49. Мальчевская Т.Н. Специфика научных текстов и принципы их классификации // Особенности стиля научного изложения. – М., 2007. – С. 104-116.
50. Маслов Б.А. Механизм связи предложений в тексте // Лингвистика текста. – М., 2009. – Вып. 103. – С. 71-75.
51. Маслов Б.А. Проблема связи между предложениями в связном тексте // Лингвистика текста. – М., 2014. – С. 187–194.
52. Москальская О.И. Грамматика текста. – М., 1981. – 142 с.
53. Наер В.Л. Номинативный аспект английской загадки. – М., 1987. – 78с.
54. Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. – Владимир, 2004. – 128 с.
55. Никифоров А.И. К вопросу о морфологическом изучении сказки. – М, 1974. – 67 с.
56. Николаева Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – Вып. 8. – С. 5-39.
57. Новиков А.И. Извлечение знаний из текста как результат его осмысления // Языковое сознание. Содержание и функционирование: Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 2000. – С. 170-176.
58. Пропп В.Я. Морфология сказки. – М., 1969. – 146 с.
59. Прянишникова А.Д. Партитурность текста и ее роль в художественном произведении (на материале английской прозы XX века). – М., 2003. –168 с.
60. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. Пер. с фр./Общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. –М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 142с.
61. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов / Сост. и вступ. ст.

И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова; общ. ред. Б.Ю.Городецкого. – М., 1986. – 132 с.

62. Слюсарева Н.А. Аспекты общей и частной теории текста. – М., 1982. – 142 с.

63. Тураева З.Я. Лингвистика текста. – М.: Наука, 1986. – 132 с.

64. Уфимцева А.А. Ономаσιологические и семасиологические особенности метафорической номинации в тексте английской загадки. – М., 1988. – 156 с.

65. Фигуровский И.А. Основные направления в исследованиях синтаксиса целого текста // Лингвистика текста. – М., 1974. – Ч. 2. – С. 108-115.

66. Филиппов К.А. Лингвистика текста. Курс лекций. – СПб, 2003. – 336 с.

67. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 56 с.

68. Якубов Ж.А. Модаллик категориясининг мантиқ ва тилда ифодаланиш хусусиятлари. Авт. дис. д.ф.н.. – Т.: 2006. – 23 с.

69. Ashurova D.U. Text Linguistics. – Tashkent: Tafakkur Qanoti, 2012. – 146 p.

70. Ashurova D.U., Galieva M.R. Stylistics of Literary Text. – Tashkent: Alisher Navoiy nomidagi O'zbekiston milliy kutubxonasi nashriyoti, 2013. – 204 p.

71. Aznaurova E.S., Fomenko N.V., Ashurova D.U., Molchanova G.G., Petrova E.G., Pogosyants E.M., Zimon E.I. Interpretation of literary text. – Tashkent: Ukituvchi, 1990. – 132 p.

72. Beaugrande R.- A. de Text, Discourse and Process. – London, 2008. – 143p.

73. Beaugrande R.-A. de., Dressler W.U. Introduction to Text-Linguistics. – London; New York, 1981. – 67 с.

74. Danes Fr. The Functional Sentence Perspective and the Organization of the Text // Papers on Functional Sentence Perspective. – Prague, 1974. – P. 106-128.
75. Dijk T.A. van Models for Text Grammar // Linguistics, 1975. – № 105. – P.33-68.
76. Dijk T.A. van. Text and Context // Explorations in the semantics and pragmatics of discourse. –L., N.Y.: Longman, 1977. – V.-XVII. – P. 57-63.
77. Dressler W.U. Introduction to: Current Trends in Text-linguistics. – Berlin; New York, 2008. – P. 1-5.
78. Fairclough N. Analysing Discourse. Textual analysis for social research. – London, New-York: Routledge, 2003. – 142 p.
79. Gee J.P. An Introduction to Discourse Analysis. Theory and Method. – London, New-York: Routledge, 2011. – 88 p.
80. Grimes J.E. The Thread of Discourse. The Hague – Paris, 1975. – 121 p.
81. Halliday M. and Hasan R. Cohesion in English. –London: Longman, 1976. – 145 p.
82. Hasan Rugaiya. Text in the Systemic Functional Model // Current Trends in Textlinguistics. – Berlin; New York, 1978. – P. 228-247.
83. Kintsch W., Dijk T. A. van Towards a Model of Text Comprehension and Production// Psychological Review. – Vol. 85. – 1978. – P. 363-394.
84. Kock W.K. Time and Text: Towards an Adequate Heuristics // Studies in Text Grammar / Ed. by J.S. Petofi, H.Rieser. Dordrecht; Boston, 2003. – P. 113-204.
85. Levin S. Linguistic Structures in Poetry. Mouton and C.S. Gravenhage. - New York, 1962. – 132 p.
86. Longacre R., Levinson S. Field Analysis of Discourse // Current Trends in Textlinguistics. – Berlin; New York, 1978. – P. 103-122.
87. Quirk R. Colloquial English and Communication // Studies in Communication by A/ J. Ayer. – London, 2005. – 181-187.

88. Rieser H. Sentence Grammar, Text Grammar and the Evaluation Problem // Studies in Text Grammar / Ed. by J.S.Petofi, H.Rieser. Dordrecht; Boston, 2008. – P. 276-299.

89. Rieser H. On the Development of Text Grammar // Current Trends in Textlinguistics. – Berlin; New York. 2010. – P. 6-19.

90. Schmidt S.J. Some Problem of the Communicative Text Theories // Current Trends in Textlinguistics. –Berlin; New York, 2008. – P. 12–18

Словари

91. Collins V.H. A Book of English Idioms. – London: Longmans, 2005. – 421p.

92. Cowie A.P. e.a. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English. Vol. 2. – Oxford, 2013. – LXIII, 685p.

Тексты

93. Cronin A. J. The Citadel, Book II, Ch.XIII. – London: Penguin, 2007. – 53 p.

94. Galsworthy J. Caravan. – London: London Press, 2003. – 42 p.

95. Gardner E.S. The Case of the Baited Hook. – New York: New York Press, 2018. –82 p.

96. Maugham W.S. Complete Short Stories. – London: Penguin, 2002. – 213p.

97. Maugham W.S.The Circle. – London: Penguin, 2002. – 121 p.

98. O'Hara J., «Waiting for Winter». – New York: Panther, 2019. – 67 p.

99. Saroyan W., «The Human Comedy». – New York: Panther, 2003. –73 p.

100. Snow Ch.P. The Affair, ch. 26. – London: Penguin, 2007. – 312 p.

101. Williams T. Camino Real 24. – New York: Panther, 2006. – 354 p.

Веб-сайты

102. <http://www.fortune.st.uz>

103. <http://www.yandex.ru>

104. <http://terme.ru/dictionary/189/word>

105. <http://www.gramota.ru>

106. <http://www.owl.ru/librariy/oozt.html>
107. www.oval.ru;
108. www.classes.ru/grammar;